

- • - ПРИХОД - • -

ВЕРИ

НАВИГАТОР

Открываем номер рубрикой «Календарь», в которой наш постоянный автор рассказывает об особенностях празднования Покрова Пресвятой Богородицы, а чуть позже Юрий Рубан отвечает на острый и полемический вопрос читателя — да еще какого! — в разделе «Вопросы и ответы».

Уже в следующей главе нашей газеты огромная серьезная лекция профессора историка и религиоведа Андрея Зубова, посвященная теме христианского понимания ислама. Запаситесь терпением. Живем мы все вместе, и надо лучше понимать своего друга, брата и соседа. Вдруг из такого понимания родится нечто большее?

Продолжаем очень сложной и трогательной темой — жизни во Христе со смертельной болезнью. Почитайте историю молодой сильной женщины и матери двух замечательных детей. На гораздо более легкой ноте корреспондент «Русской Планеты» отправляется на невообразимый крестный ход в Сергиевом Посаде. Что это было? Составьте собственное мнение.

В «Новом Завете» читайте лекцию архимандрита Ианнуария Ивлиева об одном интересном фрагменте из Евангелия от Луки. Узнаем,

все-таки зачем это перечисление имен из родословной Иисуса Христа, кажущееся бесконечным. В исторической рубрике фрагмент из книги священника Георгия Митрофанова, посвященный канонизации Царской семьи.

Дорогие друзья, эта газета выходит уже почти год, и мы ни разу не говорили с вами о деньгах, а теперь приходится. Минимальная стоимость издания каждого номера газеты — без всяких лишних и ненужных расходов — составляет 9.000 руб.: это расходы на дизайн, авторские и расходы на оплату лицензии редакторской программы. Если вы готовы и хотите помочь, обращайтесь по телефону и электронной почте, контакты указаны на последней странице газеты. В каждом номере будем публиковать отчет о собранных и потраченных средствах. Спаси Христос!

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Календарь</i>	8
<i>Христианство и ислам</i>	13
<i>Вопросы и ответы</i>	35
<i>Богословие болезни</i>	43
<i>Крестный ход</i>	49
<i>Евангелие</i>	57
<i>История</i>	65
<i>Послесловие</i>	82

МИССИОНЕРСКАЯ ШКОЛА

КАЛЕНДАРЬ

Рождество Пресвятой Богородицы (1/14 октября).

Память преподобного Романа Сладкопевца († ок. 556 г.)

Юрий Рубан, кандидат исторических наук, кандидат богословия, доцент СПбГУ

Без сомнения, октябрь находится под «покровом» праздника Покрова (простите за тавтологию). Многие носят фамилию явно в честь праздника, многие с любопытством выглядывают утром в окошко: не покрыл ли землю первый снег? Вспоминается замечательный фильм «Покровские ворота», приходят на ум и иные ассоциации... Но каков же подлинный исторический и богословский смысл этого знаменательного христианского торжества? Обратимся к помощи нашего постоянного автора.

Тропарь праздника:

Сегодня мы, правоверные люди, торжественно празднуем, благословляемые Твоим, Богоматерь, посещением. И, взирая на Твой пречистый образ, с умилением восклицаем: «Покрой нас Своим

честным покрывалом и избавь нас от всякого зла, умоляя Сына Своего, Христа Бога нашего, о спасении душ наших!»

Действительно, праздник Покрова — один из самых почитаемых на Руси, о чем свидетельствует и количество Покровских храмов, и количество людей с «поповской» фамилией Покровский. (Дело в том, что до середины XIX века отличившиеся выпускники Духовных семинарий получали фамилии в честь самых главных праздников.) В то же время многие плохо представляют себе сам смысл термина «покров», да и сама история праздника все еще недостаточно изучена. Обратимся к историческому событию, традиционно лежащему в его основе.

В X столетии Византийская империя, теснимая своими энергичными восточными соседями, вновь оказалась на грани гибели. Константинополь внезапно был осажден «варварами» (в том числе и язычниками-россами), а греческое войско не успело вернуться из дальнего похода. Поэтому отчаявшимся людям оставалось лишь надеяться на небесную помощь.

Во Влахернском храме, где хранилась бесценная реликвия — риза Богоматери и часть Ее пояса — совершалось непрерывное моление. Однажды ночью стоявшие там Андрей Юродивый и его духовный ученик Епифаний удостоились чудесного видения. Невидимая для остальных, явилась им «величественная Жена, идущая от царских врат со страшною свитою, из которой честный [Иоанн] Предтеча и Сын Грома (апостол Иоанн Богослов. — Ю. Р.) поддерживали Ее своими руками. <...> Преклонив колени, Она долго молилась, обливая слезами Свое боговидное и пречистое лицо. <...> По окончании молитвы сняла с Себя наподобие молнии блиставшее покрывало (мафорион), которое носила на пречистой главе Своей, и, держа его с великой торжественностью Своими пречистыми руками, распростерла над всем стоящим народом.

Чудесные эти мужи (Андрей и Епифаний) довольное время смотрели на это распростертое над народом покрывало и блиставшую наподобие молнии славу Господню. И, доколе была там Пресвятая Богородица, видимо было и покрывало. По отшествии же Ее, сделалось и оно невидимо. Но, взяв его с собою, Она оставила благодать бывшим там».

Это было знаком надежды на спасение. Действительно, вскоре, уstraшенные необъяснимыми небесными знаменами, «варвары» сняли осаду и в страхе бежали. Событие это датируется приблизительно 930 годом.

На Руси исторически конкретный смысл «покрова-защиты» жителей Константинополя неизмеримо расширился, и он стал восприниматься как «Покров Богоматери над Русской землей» — местом особого почитания Царицы Небесной.

Сам праздник Покрова появился на нашей земле, вероятно, в XII веке. При этом считается (но теперь подвергается сомнению), что первым Покровским храмом стал шедевр древнерусской архитектуры — знаменитый храм Покрова на Нерли. Вообще же календарная история праздника до сих пор недостаточно исследована, хотя существует немало работ. Тем не менее, ясно, что традиционная (горделивая!) точка зрения на то, что это «чисто русский праздник», введенный почему-то князем Андреем Боголюбским (а не церковным Священноначалием?) и будто бы незнакомый грекам и другим христианам, — ошибочна.

Достаточно вспомнить об обстоятельствах появления первого — и единственно дозволенного церковным Уставом! — акафиста «Взбранной Воеводе...». Этот шедевр церковной поэзии иногда приписывается святому Роману Сладкопевцу, жившему еще VI веке; поэтому он и изображается на некоторых иконах Покрова. И память его тоже сегодня! Ученые указывают на почитание в византийской традиции

мафориона, головного покрывала Пресвятой Девы, и предполагают, что даже сама дата празднования Покрова была привязана ко дню памяти Романа Сладкопевца, воспевшего Богоматерь (а не наоборот!). Да и сама служба на Покров имеет сходство с богослужением на праздник Положения ризы Богородицы во Влахернском храме (2/15 июля) и с текстом знаменитого акафиста Божией Матери.

Греки и западные христиане тоже прославляют Богородицу как свою Защитницу и Покровительницу (было бы странно в этом сомневаться!) вне зависимости от единичного и локального константинопольского события X столетия. Общий для всех христиан смысл праздника — милосердная защита Богородицей людей, города, страны — выразился у нас в символе Покрова, у греков — в символе Скепе (Защита, Прикрытие), у католиков — в символе Pallium'a, т. е. Плаща Богородицы.

У многих возникает вопрос: а что же именно Богоматерь распростерла над народом? На некоторых иконах можно видеть длинную узкую ленту. Неужели это архиерейский омофор?

К сожалению, эта грубая ошибка до сих пор тиражируется не только в иконографии праздника, но и удерживается в богослужебных текстах («покрой нас Своим омофором» и др.). Божия Матерь — не епископ и тем более не дьякон, торжественно носящий на поднятых руках омофор в определенные моменты архиерейской Литургии. В греческом житии Андрея Юродивого стоит слово мафорион; это — большой женский платок-покрывало, закрывающий голову, плечи и спускающийся вниз.

Простой русский народ, не слишком обременяющий себя богословскими знаниями, переосмыслил «покров», ставший важной календарной вехой, как нельзя более прагматично. Это — окончание

сельской страды, время свадеб, первое зазимье. «Батюшка Покров (так! — Ю. Р.), покрой мать сыру землю и меня молодую! Бел снег землю прикрывает: не меня-ль молодую, замуж снаряжает? Батюшка Покров, покрой землю снежком, а меня, молодую, женишком!» — припевают истомившиеся красные девицы. Понять их можно, особенно сейчас, когда иного «молодца» трудно отличить от девицы. Желаем не отчаиваться и ждать своего достойного суженого. Быть может, он еще появится в «крещенский вечерок»?

Для любознательных: Александров А. Об установлении праздника Покрова Пресвятой Богородицы в Русской Церкви // ЖМП. 1983. №№ 10 и 11; Плюханова М. Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995 (приложение: История вопроса о происхождении праздника Покрова).

ХРИСТИАНСТВО И ИСЛАМ

Андрей Зубов

Для нас с вами проблема взаимоотношений ислама и христианства — это не теоретическая проблема, не проблема школьная, это самая что ни на есть насущная проблема. Проблема и потому, что каждый из нас если не на каждом шагу, то через шаг встречается людей из мира ислама, а верующие мусульмане, естественно, встречаются христиан. В нашей стране — вот так вот Бог дал — живут не просто христиане и мусульмане, этим сейчас по всей Европе никого не удивишь, но в нашей стране есть места, земли, как сейчас говорят, субъекты федерации, которые являются преимущественно мусульманскими, а есть преимущественно христианские. У нас одна страна, и мы не можем сказать, что у нас страна только христианская, мы не можем сказать, что у нас страна только мусульманская. Россия в этом смысле удивительная страна, это Богом данный мир, где мы должны научиться жить вместе. Если мы не научимся, то как минимум распадется страна, и естественно, будет очень плохо людям. Но чтобы научиться жить вместе, надо,

естественно, понять друг друга. Вы все ведь отлично знаете, что когда люди незнакомы, не знают друг друга, им легко злиться друг на друга. Даже когда идет война, когда солдаты противоположных армий видят друг друга только через прицел автомата, они убивают друг друга почти без трепета. Если так получится, что вдруг неожиданно войны противоборствующих армий оказываются как-то вместе, ну скажем на продуктовом складе, где можно и выпить и закусить, и вдруг они становятся почти друзьями, друзьями... Потому что они понимают, что они такие же люди, и в них 99% одинакового, а разница в 1% культуры и языка. Таким людям уже тяжело убивать друг друга. Промысел Божий не одну такую Россию создал, и другие есть страны со смешанным населением, та же Индия, но Россия во многом удивительная страна. Здесь — и это удивительно, это не могут понять, кстати, говоря, многие деятели мирового ислама и христианства, — почему-то мусульмане и христиане живут в России, в общем-то, в мире. Да, проблемы есть, но в общем живут в мире.

Я буду говорить о вещах конкретных, разумеется, но меня поразило недавнее событие. Вы знаете, что в Татарстане были сожжены две православные сельские церкви и на себя взяла ответственность какая-то радикальная мусульманская организация. И вот когда мне это рассказали, я подумал, Боже, что же надо сделать, чтобы все это не вылилось в широкомасштабный конфликт? А люди решили сами собой и решили без меня. Во всех мечетях Татарстана совет улемов благословил поставить чаши для сборов подаяния, чтобы восстановить эти храмы, и собрали так много, что не только эти два храма могут восстановить, но хотят построить еще один. Но вслед за тем, дорогие друзья, у нас есть еще и глубокая проблема, глубокая тайна вообще появления ислама. Понимаете, нам легко говорить, что вот есть христианство, кото-

рое возникло естественно в I веке проповедью Самого Господа и Его апостолов, и есть эволюционные религии, которые обычно называют религии народов, называют язычниками, забывая, что это слово в Евангелии означает просто народы, этносы. И вдруг через полтысячелетия после Христа появляется в общем новая религиозная ветвь. Причем появляется не где-то там в другом уголке мира, а появляется в районе, который абсолютно выносил христианство, район, в котором христианство сложилось, причем восточное православное христианство. Регион, в котором отцы Церкви процветали — и египетские, и сирийские: Иоанн Домаскин и Афанасий Александрийский, Исаак Сирин. И этот вот мир становится миром ислама. Как так сложилось, почему? Злые враги завоевали православные страны? Никогда бы арабские из Внутренней Аравии небольшие сравнительно отряды в общем в военном отношении достаточно элементарно неорганизованных людей не смогли бы победить регулярную армию сильнейшей в мире Византийской империи, если бы чего-то другого не было, а было что-то. А было то, что христиане Сирии и Египта открыли свои ворота перед мусульманами и выгнали византийцев. Из Александрии грузилась на корабли гвардия императора и бежала в Константинополь. А в будущем Каире христиане открывали ворота войнам праведного халифа Омара. То же самое и в Сирии. Приводило ли это к уничтожению христиан? Конечно, нет, не приводило. Вы прекрасно знаете историю Иоанна Домаскина: он и его отец были градоначальниками столицы халифата, Домаска, то есть государства мусульманского по правителю, но градоначальником главного города которого был христианин, и это никого не смущало. Вот пример совершенно других отношений. Это совсем непохоже на то, что мы себе представляем. И посмотрите в конце концов, как говорят, на сухой остаток сейчас в начале XXI века. При всех пертурбациях

часто серьезных религиозных конфликтов, 10% населения Египта, 10% населения Сирии — христиане. Если бы был ислам так агрессивен к немусульманам, за 1300 лет христиан бы не осталось. Вот вам для сравнения или может быть даже для покаяния: мусульманская Испания была отвоевана христианами, и конкиста началась как раз в XII–XIII веке и завершилась в XV веке. После этого мусульманских государств не осталось в Испании, но не осталось и мусульман, ни единого. Мусульманам было предложено на выбор три варианта: или обращение в христианство, или эмиграция без имущества, или смерть. И это наши братья по вере — это всегда надо помнить.

Теперь главный вопрос. Почему же через шесть веков после проповеди Христа в районах, которые были охвачены этой проповедью в первую очередь, почему появляется новая религиозная система? И не просто появляется, а победоносно покоряет себе большую часть восточного христианского мира и существует на этих землях очень часто до сего дня на протяжении 1300 лет. Мы с вами помним слова, «то, что не Отец Мой Небесный насадил, то искоренится». Про ислам же можно сказать, что он сейчас достаточно успешно распространяется. Чтобы понять, почему это произошло, и почему это происходит, нам, видимо, надо все же взглянуть немножко на основы ислама, тогда мы о многом догадаемся и многое поймем. Собственно, ислам возникает и связан очень тесно с именем пророка Мухаммада. Пророк Мухаммад родился примерно в 570 году, естественно, после рождения Христова. То есть это было время, когда Передний Восток был цивилизованным и в сущности современным миром. Писались книги, создавались и строились великолепные храмы и дворцы, существовали государства уже многие века до этого. Это была не глубокая древность, а в общем почти современность для историка. Еще жила и доживала свои дни

западная Римская империя, уже распадающаяся под ударами варваров, когда на Переднем Востоке на Аравийском полуострове рождается мальчик, которому суждено стать великим пророком. В очень коротком символе веры мусульман, первый член этого символа веры разделяем все мы. «Нет Бога, кроме Бога», — кто из христиан или иудеев в этом сомневается? А второй — чисто мусульманский: «и Мухаммад пророк его». Даже в сам символ веры имя пророка вложено, как та правда о Боге, которая обязательна для мусульман. Если ты веришь пророку Мухаммеду, его проповеди и его слову и слову, через него запечатленному, то ты мусульманин. Этот угол Аравии, сейчас эта страна называется Саудовская Аравия, в котором родился Мухаммад, был единственный кусок Переднего Востока, который не был частью какой-либо империи. Это была пустыня, нефть тогда была неизвестна, и жившие там бедные люди промышляли в общем двумя вещами: они были проводниками торговых караванов или разбойниками. Это люди мало кого интересовали, и эти земли мало кому были нужны. С северо-запада Аравийский полуостров окружала Византийская империя. С северо-востока Саудовскую Аравию окружала Персидская держава, тоже монотеистическая, но не христианская. С юга на Аравийском полуострове VI века существовало иудейское государство, которое занимало территорию нынешнего Йемена. Это государство было не евреев, а иудаистов-арабов. Тогда ведь иудейская религия была совершенно не такой, как сейчас, она не была этнической религией, это была очень проповедническая религия. Сами арабы в основном были тем, что мы бы сейчас назвали шаманистами, то есть поклонялись многим духам и пытались с помощью духов организовать свою жизнь. Но уже, конечно, среди них было и не мало монотеистов, людей, которые уже знали о существовании единого Бога и почитали Его. В арабском языке было специальное понятие халифа

для тех, кто были единобожниками, но еще не конфессиональными. Кроме того, немало было христиан, например, один из ближайших родственников Мухаммада был христианином. В этой поэзии, которые писали арабские еще языческие поэты, часто уже упоминаются христианские монахи, и скажем, герой скачет к своей возлюбленной на верблюде, естественно ночью — ведь к возлюбленной по-другому не скачут — видит вдали огонек и понимает, вот я скачу к своей любимой, а там, наверное, монах творит монашьи свои дела в келье, вот, у него горит лампадка. То есть понимаете, вот такой был удивительный мир, в котором одни были строгие сторонники язычества, обычаев отцов и дедов, племенных богов, другие искали уже единого Бога. Это был такой бурлящий мир, да и вообще Среднему Востоку это свойственно.

Именно в таком удивительном котле, как бы и забытом, но все-таки нечуждом всех процессов происходящих вокруг, рождается мальчик Мухаммад. Как часто бывает, его отец умирает, когда его жена еще беременна, то есть мальчик никогда не видит своего отца. Надо сказать, что многие духовные люди растут без отца. В этом есть глубокий духовный смысл, ведь когда в семье происходят такие проблемные вещи, и мальчик растет без отца, ему всегда ищут того мужчину, которого можно взять за образец. В принципе таким образом должен быть отец, но отца нет, вот кто тогда? Учитель, старший товарищ, политический деятель — такое бывает. Но для религиозного подвижника это, конечно, Бог. То есть он выбирает себе уже не плотского отца в пример, а Того, Кто сотворил небо и землю, и является Отцом всяческих. Поэтому этот образ и ход не раз и не два появляется в истории человечества. Мать его тоже умерла, когда он был совсем маленький, и ребенок остается сиротой, которого воспитывает его дед и дядя Абу Талиб, брат отца. Ребенок принадлежит к аристократическому роду, правившему в го-

роде Мекка, но к нисходящей ветви этого рода, то есть более бедной и безвластной. В нем течет, как бы мы сейчас сказали, голубая кровь, но он не имеет от нее никаких дивидендов. Как это было принято, тем более после смерти матери, ребенка отправляют из города. Считалось, что жизнь в городках при оазисах нездоровая, почти как в современной Москве. Надо, чтобы ребенок рос так, как росли предки, то есть в пустыне среди стад и от молока нормальной женщины, кормилицы. Мухаммад растет там.

Рассказы самого Мухаммада потом будут записаны через 100–150 лет в шести хадисах, что говорит о том же, что говорят четыре Евангелия у нас. Вы никогда не задумывались, почему есть четыре Евангелия? Ведь были случаи, когда многие богословы пытались свести четыре Евангелия в один текст. А на самом деле в этом есть глубочайший смысл. Это пророчество о нашей свободе, понимаете. Нам не дается вот от сих до сих, текст выучи и иди прямо. Нам даются варианты, нам говорится, думай, сравнивай, принимай то, что тебе ближе к сердцу. Одному близок такой пророческий евангельский текст как Евангелие от Матфея, другой воскресляется Евангелием от Иоанна, а третий таким эллинистическим, романтическим ходом, который ясно литературовед видит в Евангелии от Луки. Понимаете, они все священные, они все благи, но они различны, потому что люди различны. Потому что мы все здесь разные, неодинаковые. Бог создал каждого неподобным другому. Смотрите, сколько людей было за всю историю человечества, и нет двух одинаковых лиц, нет двух одинаковых отпечатков пальцев. Это ведь все неслучайно. Поэтому же хадисов канонизировано шесть, а не один. В хадисах мне как историку нравится, что всегда дается прямая линия рассказа. Как сказал Мухаммад такому-то, такой такому-то, этот такому-то, а этот мне и я записал, то есть совершенно ясно видно,

что это все приличные люди, понимаете, среди них нет обманщиков, фантазеров, и это серьезный текст. Так вот, Мухаммад рассказывает, что когда он был еще мальчиком и жил в кочевьях, как-то он играл за шатрами, и вдруг увидел, что к нему идут два человека в белых одеждах, два ангела, которые подошли к нему и сказали: «Вот этот». И они разрешили ему грудь, вынули его сердце, — совершенно пророческий образ, как у пророков — омыли его в тазу со снегом, — представляете себе в аравийской пустыне снег, это уже чудо — и сказали: «Взвесь его сердце и сердца любых других истинных людей из его народа». Они взвесили, и оказалось, что сердце Мухаммада уравнило сердца десяти. «А взвесь сто, тысячу», — и оказалось, что сердца всего народа уравнивали сердце Мухаммада. Его очистили этим снегом, и он стал иным человеком. Вот такой рассказ он сам помнит из своего детства, такое вот удивительное явление.

А дальше жизнь складывалась довольно обычно, потому что юноше надо было работать, зарабатывать деньги, там не было такого родового богатства, когда можно было жить сложа руки. И он нанимается проводником караванов, как делали и все серьезные мужчины в этом оазисе, которые не хотели заниматься разбоем, а хотели заниматься чистым делом. Он водит караваны в Сирию в Дамаск, в города как раз Византийской империи. Естественно, культурный контакт при знании языка обеспечен. Через некоторое время он женится на хозяйке этих караванов, и она свободная женщина. Она сама пришла к его дедушке, к его попечителю, и сказала, что я хочу взять в мужа твоего внука, он достойный, благородный, хороший, я тоже из хорошего рода. И конечно, все с удовольствием согласилось. Понимаете, в исламе очень многое значит поведение пророка, то, что называют сунна пророка. И как вы видите, сунна пророка далеко не делает женщину приниженным под-

чиненным существом. Хадиджа — очень почитаемая в исламе, сейчас вы поймете почему, она совершенно инициативное лицо. Более того, она халифа, она единобожница, она верит, что есть единый Бог, хотя и не принадлежит ни к какой конфессии, а вот ее брат — христианин.

Супруги очень любят друг друга, это любящая семья, Хадиджа рождает Мухаммаду шестерых детей. Она учит своего молодого мужа тоже единобожию, почитанию единого Бога. Но в итоге она говорит, что нельзя заниматься только, как сейчас бы сказали, бизнесом, нельзя только водить караваны, нельзя только жить суетой этой городской и политической жизни. Ты имеешь в себе духовный дар, ты должен его согревать в крови, ты должен обязательно на время уединяться для молитвы, для разговора с Богом один на один. Она ему рекомендует стоящую над Меккой гору и пещеру в ней, где можно вот так проводить какое-то время в уединении. Именно там, когда Мухаммаду было примерно сорок лет, примерно в 610 год, Мухаммаду происходит первое явление Бога. Это явление было в немного странной, для нас немного необычной форме. Явился архангел Гавриил, по-арабски Джебраил, и сказал, «читай», и протянул ему свиток. А Мухаммад был неграмотный, что тогда было обычно, и он говорит, я не могу читать, я не умею. Гавриил говорит, «читай», и стал его душить. Тот несколько раз говорил, что он не умеет, но когда понял уже, что дело плохо, он стал читать. И это немного необычный для нас образ. Но на самом деле это очень сильный образ, это образ преодоления себя, потому что он не умел читать по своему человеческому разумению. Однако невозможное человекам возможно Богу. И здесь явился этот образ Божественной мощи. Что же он прочел и что он запомнил? Он прочел и запомнил первый — но не первый по нумерации — из явленных стихов или, как говорят на арабском языке, сур святого Корана.

Коран — это особая книга, это не результат совместного творчества Мухаммада и Бога, сотрудничества, каким являются, скажем, Евангелия. Евангелия — это все благая весть, описанная, конечно, в даре Духа Святого, но описанная человеком, личностью и имеющая ясный отпечаток личность, ее написавшей. Даже в посланиях апостолов мы ясно видим осторожную основательность Петра, пылкую воинственность духовную Павла — личность каждого видна прекрасна. В Коране же по-другому. Здесь Божественный текст отпечатывается в Мухаммаде. Мухаммад как ветхозаветный пророк, не может ничего говорить от себя. Он не может говорить, как ему кажется, он говорит только то, что сказал ему Бог, и ничего более. Поэтому Коран есть абсолютный Божественный текст, с точки зрения мусульманина, в котором нет ничего человеческого, только язык, да и то Коран дан на языке, который, естественно, знал Мухаммад, на арабском языке, то есть именно так он запечатлелся в Мухаммаде. Поэтому только арабский текст Корана каноничен. Мы можем читать свои тексты по-русски, по-славянски, на всех языках мира, и всюду Благовестие есть Благовестие. Здесь же отпечаток Божественной мудрости, Божественной воли и Божественного знания. Коран является не сразу, а практически на протяжении всей последующей жизни Мухаммада, суры даются одна за другой, но располагаются уже в каноническом тексте Корана не по времени их произнесения, то есть ниспослания, а по величине, то есть формальным образом. Самые большие впереди, самые маленькие сзади. Так вот, потрясенный Мухаммад, когда спускается с горы к Хадидже и рассказывает, что ему явилось, она ему говорит, что ты не сомневайся, это — явление Бога, тебе явился Бог, ты великий пророк. А ее брат сказал ему, что ты пресвятой, ты святой. И сам Мухаммад думает, что он еще один иудейский, иудеохристианский пророк. Но очень ясно

потом понимает, что это не так, когда евреи и христиане показывают ему, что у него много ошибок в его понимании. А он-то знает, что это никакие не ошибки, он-то знает, что ему Бог все это явил, поэтому он говорит, что это у вас ошибки, это вы исказили текст вашими вставками и дополнениями, а вера, изначальная вера Авраама, Исаака, Измаила — это все мне дано в полноте. Все, что я вам проповедую есть истинная вера, потому что она отпечаталась во мне.

Дальнейшая судьба Мухаммада делится на два периода: на период гонений и период славы. Период гонений начинается практически сразу же после ниспослания Корана, потому что его родственники и жители Мекки смеются над ним. Мухаммад меняется, абсолютно меняется, он говорит о том, что нельзя убивать, нельзя воровать категорически, что надо относиться к каждому человеку, даже к рабу, как к такому же человеку, как ты. Да, он находится у тебя во служении, ты можешь требовать от него труда, работы, но он человек. Он говорит о том, что будет страшный суд, на который пойдут все люди, и будут судиться все их дела. Будет воскресение мертвых. Уже многие его соотечественники знают, что многие — и христиане, и иудеи учат этому же, но многие смеются над ним, многие не понимают, многим этого не хочется, многие привыкли жить такой бандитской жизнью, и он гоним среди них. И к его дяде, очень уважаемому человеку, приходят несколько раз жители Мекки, и говорят, ну отдай нам своего племянника, мы с ним по-свойски разберемся. Нет, говорит, я вам его не отдам никогда, пусть я не все его взгляды разделяю, но я его не отдам. Так что до 619 года жизнь была в общем-то более-менее терпимая, хотя были нападения на Мухаммада, но в 619 году происходит несколько печальных событий: умирает Абу Талиб, умирает Хадиджа, и усиливаются, естественно, гонения. Почти все сторонники Мухаммада разбегаются, тогда еще не было мусульман,

но были уже последователи Мухаммада, и христиане им дают приют и даже считают их какой-то новой своеобразной христианской сектой. Сам же Мухаммад не знает, куда деться, но неожиданно к нему обращаются жители соседнего города и говорят, что у нас споры по поводу того, как кому восстанавливать родовое святилище в городе — некий конфликт. Тебя же мы посчитали как пророка, как благочестивого человека, ты вот разреши наш конфликт. В 622 году Мухаммед тайно уезжает из Мекки в этот город, который скоро будет называться городом пророка и это соответственно Медина. Бегство из Мекки в Медину — это начало мусульманского летоисчисления. Он разрешает этот конфликт и становится фактически вождем мединцев, и начинаются уже его военные успехи, когда он постепенно завоевывает весь полуостров. Первая победа в 624 году над иудейскими племенами, потом постепенно весь Аравийский полуостров им завоевывается силой. В 628 году заключается мир с жителями Мекки, в 630 году Мекка занята Мухаммадом, и в 631 году закрыта для немусульман до сего дня. 8 июня 632 года Мухаммад умирает в своем доме, где он и похоронен.

Вот так завершается удивительное пророчество еще ветхозаветное. В 17-й главе Бытия читаем: «И о Измаиле Я услышал тебя: вот, Я благословлю его, и возвращу его, и весьма, весьма размножу; двенадцать князей родятся от него; и Я произведу от него великий народ». И собственно, реплика этих слов книги Бытия является 130–138 аяты, то есть стихи 2-й суры Корана. «Кто отступится от веры Авраама? Разве только глупый! Его Мы сделали избранником [Своим]» — речь идет о Боге, это слова Божии — «в мире этом, и, воистину, в мире будущем будет он в числе праведников. [Вспомни,] как сказал Бог Аврааму: «Предайся [Мне]», и ответил тот: «Предался я Господу миров». Авраам, а также Иаков заповедали Веру сынам своим: «О сыны мои! Предна-

значил вам Бог религию эту. Не умирайте же не предавшимися [Ему]». Разве присутствовали вы (т.е. иудеи, слушавшие Мухаммада), когда смерть подступила к Иакову, и спросил он сынов своих: «Чему после меня будете поклоняться вы?» — ответили они: «Будем поклоняться мы Богу твоему и Богу отцов твоих — Авраама, Измаила и Исаака — Богу Единому, Ему предаемся мы!»? Это народ, уже нет которого. Ему — то, что заслужил он, а вам — то, что заслужили вы, и не в ответе вы за содеянное ими. Говорят они: «Будьте иудеями или христианами, тогда пойдете путем истинным». Отвечай [о Мухаммад]: «Нет, [следуем мы] Вере Авраама-ханифа, а он не был многобожником». Скажите [о мусульмане]: «Веруем мы в Бога [Единого] и в то, что ниспослал Он нам, и в то, что ниспослано было Аврааму, Измаилу, Исааку, Иакову и потомкам их, в то, что даровано было Моисею и Иисусу и что даровано было пророкам Господом их. Не проводим мы никакого различия между ними и предаемся Ему».

Мухаммад твердо верил и говорил своим последователям, что мы веруем в ту веру, которой веровал Авраам, которую Бог открыл Аврааму, Исааку, Измаилу и Иакову и потомкам его, то есть мы продолжатели истинной веры евреев, а не вы, нынешние иудеи, которые многое искажали. Дальнейшая после смерти Мухаммада жизнь мусульманской общины, уммы, внешне очень отличается от того, что могут наблюдать наши общины в Церкви. Дело в том, что это жизнь в том числе и политическая и даже в огромной степени политическая жизнь, потому что то, что произошло, это борьба за власть: сначала община выбирает праведных людей, которые возглавляют ее, потом уже идет борьба за власть над общиной, и побеждают, к сожалению, не праведники. По исламской традиции, сам Мухаммад является посланником Божиим, а возглавители общины после него именуются наместниками посланника

Божьего, то есть они наместники не Бога — ни в коем случае — они наместники Мухаммада, Его посланника. И мусульманский мир признает четырех праведных наместников посланника: это первый после Мухаммада, Абу Бакр, который собрал Коран, второй Омар, он правил десять лет, и был убит. Потом, Усман, который кодифицировал Коран и придал ему современную форму. И наконец, четвертый праведный халиф — это Али ибн Абу Талиб, наш старый с вами знакомый, который был одним из первых приверженцем и друзей Мухаммада и мужем его дочери от Хадиджи, Фатимы. Он правил в 656–661 годах и тоже был убит.

Именно в это время возникает разделение мусульманского мира на три главных ветви, одна из которых христианам кажется самой естественной, но для мусульман она самая малочисленная, это раскольники. Вообще спор о власти очень важен для ислама, как он важен, скажем, в западном христианстве, и как он в общем не очень важен в восточном христианстве, хотя разумеется, иногда православная та или иная церковь увлекается этим, начинается борьба — историки все это прекрасно знают. Вопрос о власти в исламе очень важен, он как бы структурообразующий. Так вот, хариджиты говорят, что халифом может быть любой благочестивый мусульманин, даже черный раб, что в то время считалось низшей социальной группой, главное, чтобы он был благочестивым. Таких людей оказалось мало, и сейчас они сохранились только в некоторых районах Африки. Вторая большая группа говорит, что халифом может быть любой мусульманин, который происходит из рода, из которого происходит Мухаммад, происходят все праведные халифы, да и все последующие халифы. И только он может быть халифом. Это сунниты. Это течение абсолютно доминирует в России. И третья группа это те, кто говорят, что только потомки последнего праведного пророка и Фатимы могут быть халифами. Это

третье направление, которое получило название шиизма, и эти люди с IX века находятся в довольно сложном положении. Шииты верят в то, что последний потомок Али, двенадцатый халиф, последний праведный халиф не умер вообще, он находится в некоем неприступном убежище, и оттуда через тех, кто слышит его голос, через тех, кто с ним общается, через них он общается с унной. Так думают большинство шиитов. Как вы видите, и это уже важный момент, речь идет о власти. Кто должен быть халифом? Надо сказать, что халифат прерывается практически всюду. У суннитов он формально не прерывается до 1924 года, но фактически халиф становится безвластным человеком, игрушкой в руках султанов. В 1924 году халифат официально ликвидируется Кемалем Ататюрком в Турции и во всем мире, и сейчас халифата нет. Вот уже почти 100 лет, как халифата нет формально, хотя фактически халифат как власть пророка и его наместников прекратился в XII веке. Таков исторический контекст ислама. Можно только добавить, что в настоящее время ислам исповедует где-то каждый пятый–шестой житель земли, он очень распространяется, его численность растет.

Теперь же, чтобы понять, что к чему, обратимся к самым общим вопросам веры. Основной исламского вероучения является принцип абсолютного единобожия. Един Бог, и нет более никакого бога, кроме единого Бога. И все, что не Бог, и все, что обращено не к Богу, — это грех, это отклонение, это ширк по-арабски. Это важное слово в исламе, потому что мы с вами привыкли жить в мире идеологии, и даже есть такие умники, которые само христианство сделали идеологией. Это абсолютно невозможно представить в исламе, так как любая идеология, даже самая благочестивая — это ширк, то есть уклонение от Бога, национализм, коммунизм, социализм, либерализм — это все ширк. Это великий грех, поэтому национальная партия Сирии — это ширк, с

точки зрения суннитов и совершенно неблагочестивое дело, не говоря уже о всех остальных религиозных экспериментах. Единственное же что есть, это чистая вера пророков, посвященная Мухаммаду, и вера в Мухаммада и в его Коран, который Бог дал через него всем людям. Почему? Потому что, по определению ислама и Корана, мусульмане это «средние люди». Между крайними религиозными фанатиками, которыми они считали, скажем, христианских аскетов монахов, с которыми они были знакомы, и абсолютно равнодушным к вере большинством христианского и еврейского народа, который они тоже отлично знали, они же были торговцами. Они видели, что да, эти люди ходят в церкви и в синагоги, но живут совершенно нерелигиозной жизнью, и Бог для них мало что значит. Они отдают дань Богу, может быть, даже боятся страшного суда, но они в повседневной жизни живут не для Бога, а для себя, и вот это — «меньшее», не фанатики («большее»), а абсолютно холодные, а мусульмане «средние люди». Не нужен этот фанатизм, не надо особой аскезы, Бог создал человека таким, каким Он его создал, но при этом нужно постоянное памятование о Боге и жизнь ради Бога. Это важнейший принцип. Вы уже чувствуете, наверное, что разве в Евангелии сказано иное? Нет, конечно жизнь ради Бога, и возлюби Господа всем сердцем своим — то же самое. Но одно дело, что сказано в Евангелии, другое дело, что видели эти мусульмане, эти арабы, приходя в византийские города, они видели совсем другое. Они видели неправду. Сейчас, когда у нас есть в руках археология, когда ученые раскопали в XX веке сельские в основном поселения византийской Малой Азии, мы убедились, что это учение было не так не право, потому что формально христианизированные жители Малой Азии фактически жили абсолютно нерелигиозной жизнью. И хоронили своих умерших не по-христиански, а по старым языческим обрядам. Да, там был крестик, ну и все, было

ясно видно, что это не религиозная жизнь, что это не христианская жизнь, а практически произошла реставрация дохристианской жизни с легким внешним налетом православия.

И вот, появляется пять основ или как их называют мусульмане, пять столпов веры, пять тех оснований, на которых настоящая вера строится. Сначала само слово ислам, которое происходит от слова покорность. Ислам — это покорность. Так и говорится в 5-м аяте 5-й суры Корана: «Сегодня Я завершил для вас вероустав ваш, в полноте проявил Мое благодеяние вам: Я благоизволил поставить вероуставом для вас покорность», покорность Богу. То, чего на взгляд мусульман, так не хватает большинству окружающих их людей. Одни «фанатеют» там в своих скитах, а 99,99% просто живут не религиозной жизнью.

Какие же это пять столпов веры? Первый столп веры: правильное исповедание. Во-первых, нет Бога, кроме Бога, и Мухаммад пророк Его. Это вера праотцев, вера Авраама, Исаака, Измаила, Иакова. Это вера в судный день, обязательно то, что будет суд на всеми. Вера в ангелов, которых посылает Бог, вера в то, что человек создан Богом и является образом Бога, но выводы из этого делаются другие, чем в христианстве. Это вера в то, что Бог ведет человека к благой жизни и только сам человек уклоняется от этой благой жизни. Это вера, наконец, в предопределение. Эта особенность, которая отличает богословски ислам от христианства очень серьезно, потому что мы сами на эту тему спорим. Это спор, который ведет христианское богословие на протяжении двух тысячелетий, но в сущности вера в то, что человеческая судьба предопределена, в христианстве сталкивается с проблемой благодати Божией. Если Бог благ, то как Он мог предопределить судьбу человека ко грехам, страданиям и к падению. Значит, Он не предопределил, но тогда Он что, не всеведущ? Понимаете, это главная проблема. Для

ислама эта проблема решается просто: Бог предопределил все, но при этом ты должен поступать в соответствии с теми принципами и с той волей Божией, которая заложена в Коране. А для христиан проблема решается несколько иначе. Да, Бог предопределил наилучший, идеальный путь каждого человека. Каждый человек, когда рождается, он не предопределен к тому, что станет разбойником, бандитом, казнокрадом, коррупционером — ничего подобного, он рождается святым. А человек своей волей меняет этот высший замысел Бога о человеке постепенно в худшую сторону, в лучшую изменить он его не может, потому что Бог задумал для человека, как мы бы сказали словами Корана, наилучшее, а мы меняем это только в худшую сторону с разной интенсивностью. И самое удивительное, что это так в каждый момент нашей жизни — мы совершили уже свинство, и наша жизнь изменилась, — но опять же Бог нам ее предлагает в наилучшем для измененного варианте. Но мы совершаем следующее свинство, и так идет ступенька за ступенькой вниз, но в Церкви Христовой есть возможность подниматься вверх, есть возможность покаяния, восстановления себя во Христе духовно цельным, хотя физические естественные последствия греха останутся, никуда не денутся. Если вы полжизни пили водку, то вы в один момент покаетесь, и греха за вами нет, но печень уже распалась.

Ислам четко говорит, что ты можешь стать другом Бога, это цель, но ты не сможешь стать богом. Тот, кто хочет стать богом, он замахивается на то, на что не может замахнуться человек. За это иногда карают смертью. Вы сейчас удивитесь, но вообще ислам очень терпим. В исламе очень важно соблюдать определенные законы, хотя бы внешне их не нарушать, но как ты веришь — это в общем твое личное дело. Вера — это твоя внутренняя свобода, ты можешь представлять Бога так, как тебе легче его представлять, чтобы служить ему. Человек создан, чтобы

пребывать в Эдеме, но он друг Божий, он не бог. Стремиться стать богом — величайшее кощунство, между Богом и человеком непреходимая пропасть, Он — творец, а мы — творения. Чтобы быть друзьями Бога, надо соблюдать Его заповеди. Закон обязателен, он очень четко ясно фиксирован, хотя его исполнение различается. Это все область веры.

Второй столп ислама — молитва. Без молитвы никуда. Намаз четко фиксирован. Ислам вообще отличается очень четкой фиксацией всего, что надо делать. Сейчас очень быстро пятиразовая молитва вошла в строй, она творится от предрассветного сумрака до полной тьмы наступившей только что ночи, и соответственно в четко фиксированное время совершается в течение пяти раз осуществляется четко фиксированным образом. Каждый молитвенный элемент занимает около двух минут. Это не только определенные слова, но и включение всего человека — поклоны, раскачивания, омовения. Необходим молитвенный коврик, потому что надо совершать молитву в чистом месте, а вы не уверены, чисто ли то место, где вы находитесь. Это обязательная молитва, но кроме того, может быть сколько угодно еще молитвы в течение дня.

Третий столп веры — это жертва, пожертвование. Опять же в исламе все очень четко расписано, это у нас можно дать бабушке, можно не дать бабушке, а в исламе каждый мусульманин должен жертвовать определенную сумму в зависимости от того, как он получает доход. Отдавать определенную часть своего дохода: доход с торговли это одна сумма, доход с земледелия на неорошаемых землях — другая и так далее, все очень четко регламентировано. В классическом исламе мусульмане не платят налоги, но обязательно дают жертву. Человек, который производит богатство, должен отдавать часть общине, а из этой суммы будут помогать нищим, больным, старым, учат детей, строят

медресе и тому подобное. То есть в каждой мусульманской стране есть специальное заведение, как мы сейчас скажем, министерство, которое ведает этим делом. Опять же ты можешь давать сколько угодно, и считается, что кто-то попал в сложные обстоятельства, то надо кормить нищих, надо приносить дополнительные жертвоприношения людям, в праздники, если ты богатый человек, ты должен кормить паломников. Давать сколько угодно, но не меньше, минимум определен во всем.

Четвертый столп веры это пост. Мусульманский пост похож на древние передневносточные посты. Вообще это традиция древнего Переднего Востока, даже в раннехристианской жизни она была такой же. Это потом у нас изменилось понимание поста. У нас пост такой, что мы в течение какого-то времени мы воздерживаемся от определенных продуктов питания, от определенных отношений в семье и так далее. Древний восточный пост, который воспринял ислам, он другой. В течение светлого времени суток ты соблюдаешь полное воздержание от всего: от еды, от питья, от супружеских отношений. Можете представить себе, что такое в жарком тропическом климате не пить целый день. Зато когда будет полная темнота, все можно. Настоящий большой пост — это рамадан, который охватывает собой полный лунный месяц, предшествующий дню откровения, когда Мухаммаду архангел Гавриил впервые открыл Коран на горе. Это обязательный пост для всех мусульман, а что касается остальных постов — это уже твое дело. И огромное число мусульман постятся давидовым постом, они едят и не едят через день в течение всей жизни.

Пятый столп веры — это хадж, паломничество в Мекку, то есть надо пройти тем путем, которым прошел в 621 году Мухаммад, когда вернулся из Медины в Мекку. Хадж желателен для каждого мусульманина.

На что вам кажется похожим ислам? Вы конечно, скажите, что он похож на иудаизм: это тот же Закон, это тот же священный текст, похожий конечно, это в общем-то уже не богоизбранный народ, а это умма, богоизбранное все человечество, любой человек, любой национальности. Это тот минимум любви к Богу, почитания Бога, послушания Богу, который требуется, чтобы жить праведной благочестивой жизнью. Как-то раз Мухаммаду явился архангел в виде араба и спросил: «Пророк, скажи мне, что есть благочестие?». И пророк ему ответил, что благочестие заключается в том, чтобы не видя Бога, почитать Его так, как будто бы Он стоял перед тобой. И архангел сказал ему: «Истинно так». Вот, собственно говоря, в этом и состоит суть ислама. И почему же тогда он распространился в том районе, который был уже заполнен христианством? Он распространяется именно потому, что это религия Закона, соблюдение которого определяет твою любовь к Богу. Вместо соблюдения Закона, как формы любви к Богу, христианам предложена жизнь в Боге. Не жизнь с Богом, что очень благочестиво, а жизнь в Боге, потому что то, в чем мы с вами участвуем, в таинстве Евхаристии, — это вхождение в полноту, это пребывание в Нем, это в Нем мы воссели одесную Отца, когда Господь Иисус Христос вознесся на сороковой день после Пасхи и воссел одесную Отца. После этого, после того, как наше естество оказалось в Боге, на нас смогли сойти языки огненные Пятидесятницы через десять дней после Воскресения. Христианам предложено не просто возвращение в Эдем, а возвращение в саму полноту Божественной жизни. В этом величайшая и страшная суть христианства. Но многие ли из христиан так переживают свое призвание? Как раз в послеконстантиновскую эпоху христианство для очень многих стало государственной религией, формой правильного исповедания веры, оно стало жизнью с Богом, но не жизнью в Боге.

Именно поэтому монахи уходили в монастыри, чтобы жить в Боге: кончилось мученичество в Боге, началось монашество. Поэтому-то те, кто не выдержали, для них было два пути: или вернуться в эту полноту христианскую, или вообще перестать быть верующими. Если ты во Христе ты причащаешься без страха Божьего, то получаешь суд и осуждение, а если не причащаешься, то не живешь жизнью христианской. Вот варианты: или вернуться в полноту, или выпасть полностью из жертвы Христовой, которой мы спасены. Чтобы полного выпадения из жизни в Боге не было, Господь послал, если угодно, распространение ветхозаветной традиции на все человечество.

Ну не можешь ты быть христианином, ну вернись в Ветхий Завет! При этом интересно: ислам, весьма нетерпимый к язычеству, он абсолютно терпим к христианам и иудеям, к людям Книги. Если ты христианин и иудей, ты можешь спокойно жить в мире ислама, ты платишь выкуп, главный налог классического исламского мира и живешь в своей общине. Тебя судят твой епископ или твои старейшины по законам твоей церкви, твоей веры, единственное, в отношении с мусульманами ты соблюдаешь целый ряд принципов. Скажем, если христианка выходит замуж за мусульманина, дети должны воспитываться в исламе. К тем, кто иные, но в некотором роде, так же «близки к Богу», для них ислам делает исключение, он их обволакивает, но не поглощает. Я, конечно, не говорю о фанатиках, которые сжигают храмы, — они поступают против духа ислама. Но если не можете жить христианской жизнью, вот вам и другой путь, если не можете жить жизнью сыновей Божьих, вот вам путь друзей Божьих.

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

Юрий Рубан, кандидат исторических наук, кандидат богословия, доцент СПбГУ

Недавно я был озабочен таким вот моментом в практике нашей Русской Православной Церкви, а именно — постоянной опорой на Святцы при крещении. С одной стороны — это благочестивая традиция, но с другой стороны мне видится большое упущение в миссионерском плане. Ведь в других Поместных Церквях при крещении имя человека сохраняется. Да и почему оно не может сохраняться? Это ведь логично: если раньше крещение освящало имя, то и сейчас должно его освящать. Как Вы считаете? Является ли эта особенность проблематичной? Или все же нет? Всего доброго!

Я, временами, встречал даже такой случай, когда у человека имя присутствует в Святцах, но его крестили с другим именем. Да и вообще, сама опора на Святцы меня смущает. Чем? Тем, что в древности крещение, так скажем, освящало имя. Имя, конечно же, языческое, а не только иудейское. Сейчас ведь во многих По-

местных Церквах крестят с национальными именами. А вот в РПЦ действует традиция с «православными именами».

Александр, студент Екатеринбургской Духовной академии

Дорогой Александр!

Вы затронули весьма обширную тему, к тому же лежащую в области не исторической фактологии, где можно просто уточнить дату или прояснить какой-то факт. Здесь речь идет о религиозной ментальности в истории, о путях формирования традиционных представлений, об их совместимости (или несовместимости) с современными представлениями, в частности, с Вашими взглядами на вопрос. Ясно, что по целому ряду действительно важных вопросов единого мнения нет и не будет. Свидетельство тому, например, — полемика между старообрядцами и «никонианами», то есть нами. Каждая сторона апеллирует к определенной традиции, потому что догматического решения вопроса нет. Представьте, что Деяниях какого-либо Собора (пусть и не Вселенского) читалось бы определение: креститься нужно тремя (или двумя) перстами справа налево (или наоборот). И все — не было бы споров и кровь бы не лилась! Но Церковь разделяет безусловные догматы и условные обряды, которые в каждой Поместной Церкви имеют свои особенности и могут со временем изменяться. Это — закономерный процесс роста Церковного организма. Вспомните, чему Христос уподоблял Церковь: не Торе Моисея, не кунсткамере, содержимое которой уже не может развиваться, но подлежит лишь консервации в формальдегиде. Церковь — закваска, зеленое дерево. А это предполагает постоянный рост и развитие. (Но очень многие до понимания этого не доросли и враждуют из-за обрядов.) И потому закономерно, что у разных христианских народов могут существовать свои национальные традиции, не вступающие

в противоречие с догматами. Это как с языком или облачениям: служит ли сербский священник в сербской фелони или наш священник в русской фелони — Евхаристия у них одна! Поэтому, когда Вы несколько скептически говорите о благочестивой традиции, не забывайте о том, что без Традиции (с большой буквы) мы ничто, все наше церковное богатство основано на Традиции (Священном Предании). Кстати, само слово *traditio* означает не только «передача», «вручение», но также и «преподавание», «обучение»! Отказываясь учиться у предков, мы теряем жизненные ориентиры. Поэтому к Традиции (традициям) следует относиться корректно. Разумеется, существуют также различные «предания старцев», о которых с осуждением говорил Христос, и все мы встречались с разными псевдоправославными суевериями. Это другой вопрос. Но мы несколько отвлеклись. Теперь по поводу иных Ваших замечаний.

«...Сама опора на Святцы меня смущает».

Почему? Ведь Святцы — это не просто алфавитный набор нейтральных имен (кликер), но, если угодно, сконцентрированная до предела история христианской святости. За каждым именем стоит человек (или люди). Имя (в широком смысле) выражает сущность вещи или явления. К нему нельзя относиться безразлично. Это бесконечная тема. Посмотрите «Философию имени» отца Павла Флоренского или Алексея Лосева. Нарекая своим детям имена из Святцев, мы выражаем намерение присоединяемся к носителям этих имен, насельникам Церкви Небесной, свидетельствуем о готовности продолжить традицию великой православной святости, пока пребываем в Церкви Земной.

Пытаясь объяснить, что же Вас в этом смущает, Вы пишете: «...в древности крещение... освящало имя. Имя, конечно же, языческое, а не только иудейское».

Здесь Вы допускаете распространенную ошибку: далеко не все в настоящем можно объяснить апелляцией к прошлому, даже к апостольскому времени. Каждый исторический этап имеет свои законы. (Мы не можем в буквальном смысле во всем подражать даже Христу и апостолам: протестанты попытались это делать, и мы знаем, к чему это привело. Впрочем, это особая тема.)

Иудейские имена не требуют «освящения»: они вошли в наш Месяцеслов не потому, что их носили христианские святые (хотя и это было, разумеется), но потому что их носили люди Ветхозаветной Церкви — праотцы, пророки, — святые «сами по себе». Их святости никто (кроме еретиков) не отрицал. Да ведь и «величайший из рожденных женщинами» (Иоанн Предтеча), — как сказал о нем Христос, — не был крещен христианским крещением. А Сам Христос, а апостолы, мироносицы? Намеренно задаю эти бессмысленные в историческом аспекте вопросы.

С «языческими» тоже понятно. Церковь, зародившись в Иерусалиме, быстро превращалась языкохристианскую, особенно после 70 и 135 годов. Вчерашние язычники становились христианами, имен им не меняли, и многочисленные мученики составили древнейший разряд святых. Их имена вносились в диптихи для поминовения. Постепенно накопилось достаточное количество «канонических» имен, и можно было выбирать имя по усмотрению. Известно, что наша святая княгиня Ольга получила в крещении имя Елена в честь матери имп. Константина Великого. Затем она стала святой, ее «языческое» имя вошло в Святцы, и этим именем мы называем своих дочерей. Получается, что не просто «крещение освящало имя», а жизнь человека, это имя носившего!

Далее Вы пишете: «Сейчас ведь во многих Поместных Церквях крестят с национальными именами. А вот в РПЦ действует традиция с

«православными именами»».

Мне кажется, здесь Вы просто не совсем точно формулируете свои мысли. Что такое «православные имена»? Очевидно, это имена православных Святцев. Согласны? Вы же не дифференцируете их по языковой принадлежности! Но разве Владимир, Ярослав, Ярополк, Ольга и другие — не «национальные» (славянские) имена? И их количество увеличивается с увеличением числа канонизированных национальных святых! Где же здесь противоречие? Разумеется, мы можем встретить у других славян непривычные нам имена, например, болгарское Горазд, но это же естественно, к тому же это имя святого, оно и в нашем календаре присутствует. Но если под «национальными именами» Вы имеете в виду «языческие имена», то, думаю, ошибаетесь. Не могу себе представить, чтобы нормальный православный серб, грек или болгарин нарочито давал своему ребенку «языческое» имя, то есть имя, не присутствующее в Месяцеслове его Поместной Церкви!? Зачем? Он может назвать его именем местночтимого святого, заручившись поддержкой своего приходского священника, но это же ничего не меняет! (Имена местночтимых святых посмотрите в «Полном Месяцеслове Востока» архиепископа Сергия (Спасского)).

Я... встречал даже такой случай, когда у человека имя присутствует в Святцах, но его крестили с другим именем.

Очень важный и для кого-то болезненный вопрос. Если человек носит «каноническое» имя, а совершающему крещение оно не нравится и он заставляет отречься от него, — то это, действительно, ничем не оправданный произвол (не хочу выражаться яснее)! Но, быть может, это совершалось по обоюдному согласию? Быть может, человек хотел возродиться с новым именем? Мы же знаем, что в Крещении человек таинственно союмирует со Христом и воскресает с Ним к новой жизни,

и принять новое имя — его право.

Кроме того, существуют «неблагозвучные» (особенно греческие) для русского уха имена, например, Акакий («незлюбивый», «невинный»), Павсикакий («прекращающий зло»). Но они хотя бы с «положительным» значением! А вот имя Коприй означает «навозный», «нечистый»! В современном Православном церковном календаре (издание МП) находим четырех Коприев, но значение имени стыдливо опущено, вероятно, чтобы не смущать «малых сих». В этом же календаре находим «теофорные» (то есть несущие имя бога) языческие имена: Аполлон, Вакх, Меркурий (значения и так ясны), Кронид (то есть «сын Крона» — Зевс; значение имени не приведено). Известно, что эпатажный поэт Игорь Северянин при крещении своего сына потребовал назвать его Вакхом (в честь «хмельного бога», как он задумал про себя), а отнекивающегося батюшку подвел к Святцам и ткнул пальцем в это имя! Увы! Ничего не поделаешь, пришлось крестить! В нашем Календаре мы находим даже имя: «Фал Лаодикийский, пресвитер, сщмч.» (16/29 марта) с эвфемистическим объяснением — «молодая масличная ветвь». Но в словаре древнегреческого языка значится имя бога плодородия — Фалес и слово «фаллос» (фалл) с пояснением: «культовый символ плодородия» (кажется, умному все ясно). Другие имена безнадежно «испорчены» устойчивой негативной коннотацией: вряд ли христианин назовет своего сына Арий или Иуда! Не будем склонять дамские имена, такие как Вевея, Дуклида, Поплия, Проскудия (Просдока) или хрестоматийное Голиндуха.

Привожу эти примеры не для того, чтобы упрекнуть славных древнехристианских святых, неповинных в том, что их родители-язычники дали им такие имена (имею в виду теофорные имена), но чтобы проиллюстрировать нелепость псевдоблагочестивой традиции увязывать

день рождения с именинами. Между ними нет никакой догматической связи. Разумеется, «сугубо верующие» родители могут следовать этой традиции давать своим детям вышеназванные канонические имена, но будут ли те им за это благодарны?

По моему убеждению, человек сам вправе выбрать ребенку Небесного покровителя по Святцам (в этом я консерватор, простите) и согласовать день именин со священником при крещении. Но не так все просто даже для самого священника. Недавно у знакомого батюшки родилась дочь Анна. Он хочет назвать ее в честь праведной Анны, матери Пресвятой Богородицы, но его матушка упорно ссылается на другую Анну только потому, что день ее памяти ближе ко дню рождения девочки. Ну что тут скажешь!? Народные предрассудки весьма живучи.

Наконец, приведу положительный и полезный пример. Известно, что многие люди хотели бы праздновать свои именины, но по разным причинам не знают, в честь какого святого им нарекли имя. Как быть? С таким вопросом когда-то обратился ко мне знакомый журналист Василий, родившийся летом. Я стал просматривать, как это принято, ближайшие ко дню его рождения дни Православного календаря и нашел имя какого-то малоизвестного князя, житие которого нас «не вдохновило». Обратившись за помощью к ученому священнику из Синодальной комиссии по канонизации святых, я получил лаконичный ответ: «Да что вы голову ломаете: пусть празднует на святого Василия Великого!». Мудро! Знакомясь с жизнью и трудами такого Небесного покровителя, человек много приобретет и в духовном, и в интеллектуальном плане.

С тех пор я советую всем, оказавшимся в аналогичной ситуации: найдите — сами или с чьей-либо помощью — соименного вам святого, в чьей жизни вы обнаружите лично для себя что-то особо поучительное

или близкое вашему жизненному пути. Заручитесь благословением священника и празднуйте именины в день памяти этого святого. Он не откажется быть вашим Небесным покровителем!

БОГОСЛОВИЕ БОЛЕЗНИ

Доктор Альберт Росси, передача на православном радио Америки Ancient Faith Radio

Сегодня я хотел бы поговорить с вами о богословии болезни, но не в абстрактном понимании, а в реальном. Год назад я брал интервью у молодой женщины Сары Нейджар, и мы сейчас послушаем фрагменты этого интервью. Недавно Сара умерла. Поэтому когда я произношу эти слова, мое сердце исполнено тяжестью, я много думаю об этой смерти и глубоко скорблю. Смерть не является чем-то прекрасным, она не хороша, она не романтична. Давайте вместе поразмышляем над этим. Вот фрагмент нашего разговора в ноябре прошлого года, и только послушайте, насколько Сара полна жизнью, преисполнена любовью к жизни.

— Сара, расскажите немного о своей нынешней жизни.

(голос молодой, бодрой, веселой и уверенной в себе женщины)

— Мы с мужем женаты уже одиннадцать лет, у нас двое прекрасных детей семи и пяти лет. Три года назад мы имели возможность столкнуться с раком в своей жизни. У меня нашли рак груди первой

стадии, и это на нас произвело, естественно, подавляющее впечатление. Мы тогда делали то, что могли. Не скажу, что мы были наивными, но мы на самом деле не понимали, что нам стоит делать, и нашими действиями во многом руководили врачи, которые считали, что нам стоит действовать по очень простой схеме. Мне сделали обычную операцию лампэктомии, потом был курс химеотерапии и облучения. Впрочем, на вторую годовщину обнаружения рака врачи нашли у меня какие-то аномальные клетки. Я приняла решение сделать двойную мастэктомию, после чего остатков рака не было обнаружено, однако после этой операции я стала ощущать боли в области бедра, которые все усиливались. Оказалось, что мой рак груди дал метастазы в кости, дошел до позвоночника, и даже был обнаружен в печени.

С июня этого года мы проделали большой путь, с тех пор прошло уже около четырех месяцев. Мы были благодарны и признательны за все, что происходило вокруг моей болезни. Мы благодарны своей церкви, своим друзьям, своей семье, нашим священникам. Мы благодарны Богу, все это стало настоящим благословением для нас. Я всегда говорю мужу, что я его крест, который ему приходится нести. Он это принимает с отвагой, потому что ему приходится трудиться гораздо больше, чем мне, как моему опекуну, как попечителю наших детей. Мы переживаем эту ситуацию день за днем, не загадываем на будущее и молимся, что все обернется хорошо.

«Богословие болезни» — это книга Жана-Клод Лярше, которую я бы всем порекомендовал прочесть. Вот одна цитата из этого труда, это слова св. Кирилла Иерусалимского: «Такова сила веры, что верующей спасается не в одиночестве, а скорее одни люди спасаются через веру других». И я думаю, что это в полной мере относится к нашему сегодняшнему разговору. Сара и ее вера — и это видно из нашего раз-

говора год назад — обладает полнотой удивительной силы, которая может помочь спасти нас с вами. Св. Макарий говорит, что «тот, кто хочет подражать Христу, хочет получить имя сына Божьего, рожденного Духом, должен прежде всего храбро и терпеливо претерпевать скорби, с которыми сталкивается». Будь то телесные болезни, травмы, нанесенные людьми, или нападение нечистых духов. И мы видим реализацию слов св. Макария в Саре, в ее отношении к болезни. Вот еще один фрагмент нашего интервью.

— Скажите пару слов о том, как ваша вера переплетается с вашим сегодняшним состоянием.

— Я прихожанка одной и той же церкви на протяжении всей жизни, и у меня один и тот же духовник на протяжении многих лет. По иронии он сейчас переживает метастатический рак, и нам поставили диагноз примерно в одно и то же время. Наша с ним вера с тех пор, мне кажется, выросла в десятки, сотни раз. Теперь у нас служит новый священник, так как мой духовник ушел на покой, и он по-настоящему наблюдает за мной и заботится обо мне. Он всегда доступен для меня, мы молимся вместе, поем песнопения св. Нектария, муж читает акафист целителю рака. Мы чувствуем поддержку друзей и семьи в нашей церкви. Когда мне оперировали опухоль мозга, которая оказалась доброкачественной, все мои подруги собрались в нашей часовне и читали за меня акафист. То количество молитв, которые произносятся за меня по всему свету, все записки и молитвенные списки, в которых я присутствую — это просто невероятно. Это по-настоящему укрепляет мою веру, когда я знаю, что так много людей молятся Богу за меня, и хотят, чтобы я оставалась с ними. Они по-настоящему переживают все эти тяготы вместе со мной. Несмотря на то, что болею-то я, в мою болезнь вовлечены множество людей, которые делают столько

добрых дел, чтобы помочь мне и моей семье: уход за детьми, обеды, сбор средств — самые разнообразные вещи, чтобы помочь нам. Вот, что для меня вера. Всю свою жизнь я молилась Богу и верила в Бога, верила в то, что Иисус со мной и поддерживает меня — это всегда было со мной. А потом я увидела все это в действии через то, как другие люди относятся ко мне и моей семье. Я даже не могу описать, как трогательно это бывает. Насколько же это укрепляет мою веру, что вокруг столько людей, которые обладают верой и готовы совершать подобные поступки для нас.

Хочу еще сказать, что когда я в плохом настроении, мой муж говорит, что Бог делает это для нас, потому что Он любит нас. Это все из-за Его любви к нам. И мне нечего к этому добавить. Это правда. Я просто всегда вспоминаю об этом, насколько это правильно. Вот так мы к этому относимся.

— Эти слова ставят меня в тупик. «Бог делает это из любви к нам». Тут есть над чем подумать, но это не выглядит, как любовь. По крайней мере, на поверхности. Это вовсе не выглядит, как любовь. Почему должны вы и ваш муж, почему двое милых, здоровых детей пяти и семи лет должны проходить через душевную агонию, через которую им приходится проходить сейчас, зная, что их мама так сильно больна и была в больнице столько раз? Мы не знаем. Мы даже не пытаемся сделать вид, что мы понимаем страдание. Мы не используем дешевые фразы, мы не пытаемся обосновать это. Мы принимаем страдание, как оно есть. Однако мы верим, как вы красноречиво выразились, в то, что Бог есть любовь, и Он любит нас. Все, что Он нам посылает, Он посылает нам из любви. А нам остается делать лишь то, что требуется от нас.

В книге «Богословие болезни» приводится цитата св. Киприана: «Что нас отличает от тех, кто не знает Бога, так это то, что они ворчат

и жалуются на свои неудачи. Нас же скорбь не отвращает от истинной храбрости и настоящей веры, а только укрепляет через страдание». Св. Киприан и другие отцы Церкви на протяжении этой книги говорят об отношении человека к боли.

Однажды отец Томас Хопко рассказал историю мне о человеке, которого он посетил, и который тяжело болел. Он болел больше тридцать лет и при этом сильно страдал. Отец Том говорил с ним о Христе, а человек этот был сильно расстроен и сказал: «Да, отец Том, но Иисус страдал лишь шесть часов или три года, по большей мере. Я страдаю уже тридцать лет. Как долго еще мне предстоит страдать?» Отец Том ответил ему словом, которое я никогда не забуду. Это наилучший ответ в такой сложной ситуации. Он ответил одним словом — «сейчас». Это значит, что отец Том призывал больного, как и меня он убеждал много раз, жить в настоящем моменте. Когда мы живем в текущем моменте, прямо сейчас, наше сознание очищено от ненужных образов, от лишних мыслей и проектов, — это совсем другая история. Это проще, чем пытаться держать в своей голове всю ту боль, которую я переживаю. Поэтому очень важно научить себя жить в текущем моменте через медитацию, ощущение присутствия Иисуса. Очень важно каждый день вновь и вновь возвращаться в это состояние текущего момента. Конечно же, нас постоянно что-то отвлекает, но мы всегда можем вернуться, чтобы ощутить присутствие Бога. И таким образом мы можем обрести понимание, что я — это не моя боль. Да, у меня есть боль, у меня может быть болезнь, я могу переживать психологическую боль большой величины по какой угодно причине — например, оскорбления или отвержения. Но правильное отношение к боли отличает меня от других, это то, что делает меня христианином, помогает мне укрепиться в вере. В моем отношении к боли у меня всегда есть выбор, хотя я сам иногда в это

не верю, потому что чувство боле часто одолевает меня, я теряю над ним контроль, и как будто все мое сознание обращается к боли... Это очень интересный и одновременно очень важный выбор.

Когда мы слышим слова Сары, мы начинаем понимать особенности ее отношения к величайшему физическому и душевному страданию. Можно только представить каковы душевные переживания женщины, красивой женщины, 42 лет, которая постепенно умирает и у которой останутся двое маленьких детей. Я не знаю, что тут можно добавить, это величайшая психологическая боль. Давайте еще раз послушаем Сару.

— Моей дочке пять лет. Каждый вечер, когда мы молимся, она просит, чтобы у мамы больше не было операций. У меня уже было четыре операции в этом году на протяжении четырех месяцев. Думаю, она уже устала от всех этих больничных палат. И она молится, чтобы у мамы больше не было операций. А мой сын молится, чтобы мама не умерла. И я стараюсь делать все возможное, чтобы этого не произошло. Я-то сама жду того момента, когда по воле Божьей, смогу войти в Царство, но я знаю, что мои дети хотели бы, чтобы я была с ними здесь. Однажды нам пришлось объяснить сыну, что даже если я не здесь, я буду по-прежнему с ними. А он ответил на это, что разве не лучше бы было, чтобы я осталась здесь на самом деле. Для него, конечно, лучше, чтобы я была с ними — здесь на земле, а не с ними — оттуда с Небес. Думаю, они понимают, что такое смерть, они понимают, что такое Небеса. Они знают, что там для меня будет прекрасное место без моей болезни, но они все равно хотят, чтобы я осталась здесь, и они молятся об этом каждый вечер. Это очень трогательный опыт для меня, что они хотят, чтобы я осталась с ними. Это по-настоящему невинные души.

Да, дети невинны, а Сара теперь исполняет свою материнскую заботу о них лучшим образом и по-другому с Небес.

КРЕСТНЫЙ ХОД

Илья Шепелин специально для «Русской Планеты»

В Сергиевом Посаде казаки вышли на крестный ход против коррупции, вскидывали руки в нацистском приветствии и учили борьбе со штрих-кодами на продуктах питания.

Только приехав в подмосковный Сергиев Посад, корреспондент РП решил поинтересоваться у сотрудников полиции о месте проведения крестного хода против коррупции. На чей счет, видимо, это мероприятие должно было относиться в том числе.

— Простите, а не подскажете, где тут должен начаться крестный ход против коррупции?

— Кого? — недоуменно, но в один голос ответили трое полицейских, прогуливавшихся у здания вокзала.

— Ну, против коррупции. В общем, то, что казаки организуют.

— А-а-а, казаки. Ну вот по этой дороге пойдете — и там налево, — все трое полицейских одновременно замахали руками в сторону Троице-Сергиевой лавры.

О крестном ходе против коррупции широко стало известно в начале этой недели, и сообщение о нем породило много пересудов в интернете. Религиозные люди обычно считаются людьми консервативными и нечасто участвующими в протестных акциях. Причем крестный ход против коррупции в Сергиевом Посаде в день 700-летия Сергия Радонежского был организован движением с репутацией крайних реакционеров — казаками.

Это были люди как правило сильно за 40 лет, с бородами, занимающиеся на досуге сбором своей амуниции из папах и военных кителей дореволюционного пошива. Причем вид многих из них причудливо дополняют атрибуты из советского прошлого: кто-то подпоясал галифе широким армейским ремнем с огромной звездой на блестящей бляхе, у кого-то панама из советской униформы времен Афганской войны. Все обвешаны медалями, не имеющими отношения к боевым действиям, и православными крестами. Некоторые в церковных подрясниках, странно сочетающихся с намотанными на головы черными банданами с белыми черепами.

— Не, мы тут не на митинг пришли! — убедительно объясняет РП один из бывалых казаков. — Митинги с демонстрациями большевики придумали! Ну как придумали. Не придумали, а оболгали крестный ход и передали его в свои сатанинские шашни!

— А вы чем, простите, отличаетесь? Тоже вот транспаранты несете. Правда, у вас на них написан [лозунг, признанный экстремистским и включенный в Федеральный список экстремистских материалов под номером 865 по решению Черемушкинского районного суда города Москвы — РП], но разница-то в чем-то?

— А в том, что мы за Христа. А они за Антихриста! А теперь давай в сторонку, идти пора, — быстро ставит точку в споре казак и подни-

мает над собой древко с флагом, на котором написано «Православие, самодержавие, русский народ». К верхушке древка прикреплен крест. Через несколько секунд крест отваливается и чуть не попадает по голове корреспондента РП.

— Так! Коррупция! Где коррупция?! — громко разносится голос организатора мероприятия, атамана Павла Турухина. Ничего страшного не произошло — это он разыскивает человека с транспарантом «Нет коррупции!». — А, вот где, «Коррупция»! Давай, становись рядом с троицей — с ней вот и пойдешь! Не понял, а где теперь [лозунг, признанный экстремистским и включенный в Федеральный список экстремистских материалов под номером 865 по решению Черемушкинского районного суда города Москвы — РП]?

Всего с площади перед Троице-Сергиевой лаврой в путь отправляются около 200 участников крестного хода. Половина из них — колоритно разодетые казаки, другая половина — женщины, замотанные в платки. Большинство из женщин за несколько часов до этого также прошли по городу с крестным ходом, который с утра проводили батюшки из Русской православной церкви.

— Благодать лишней не будет, — простодушно отвечают они, когда их спрашивают о том, зачем им дважды за день участвовать в крестном ходе. На вопросы об антикоррупционной составляющей говорить не хотят и стеснительно отшатываются в сторону.

— Я выхожу, чтобы помолиться вместе с остальными товарищами. Меня когда-то сюда позвали друзья. Я так верю, что в этом плохого? — говорит седой дед очень доброго вида. Когда шествующий рядом с ним казак вскидывает руку в нацистском приветствии, дед смущенно косится в сторону и добавляет. — А еще я марки собираю. Ну могут же быть у меня свои увлечения?

Когда крестный ход стартует, некоторые женщины добегают до начала колонны и становятся на колени, чтобы получить благодать от проносимых над ними транспарантов и икон. Некоторые, простояв несколько минут на коленях, вновь бегут в начало хода, чтобы повторить те же действия еще раз.

Казаки периодически запевают молебен в честь Сергия Радонежского и российский дореволюционный гимн «Боже, царя храни». Самая любимая кричалка звучит как заряд с футбольного стадиона: «Слава Христу! Смерть антихристу!»

Сильный ветер гнет в руках пластмассовые флагштоки, подолгу их нести тяжело, поэтому колонна останавливается каждые пять минут, чтобы передохнуть. Пока шествующие отдыхают, они поворачиваются в сторону ближайшей церкви и молятся. Несколько раз они так молятся, уставившись на витрины супермаркетов.

— Ну за супермаркетом церковь, — вздыхает на замешательство корреспондента РП один из участников крестного хода. — Бес понаставил зданий, стен понаделал! Но-мы знаем, что там, за стенами, церковь!

Во время одной из остановок заросший мужчина с деревянным крестом обращает внимание на корреспондентку телеканала «Дождь».

— Хочешь быть желанной? — вкрадчиво обращается он к ней.

— Чего? — впадает в легкий ступор девушка.

— Любимой, спрашиваю, хочешь быть?

— Вы о чем вообще?

— Носи русскую одежду! Как называется русская женская одежда?

— Я не знаю...

— Как же она называется... Я тоже что-то забыл, — находит верующий все-таки точку соприкосновения с журналисткой.

— Сарафан! — приходит им на помощь корреспондент РП.

— Точно! — подтверждает казак и заканчивает свое обращение к девушке. Носи сарафан и будешь красивой! Американцы тебе вставили при рождении диск с неправильным воспитанием, но ты в этом не виновата. Поменяй диск! — вновь победительно оставляет он девушку в недоумении и отправляется дальше, подняв над собой крест.

Через два часа крестного хода, обойдя кругом центр Сергиева Посада, шествующие возвращаются к площади у лавры, чтобы принять резолюцию. Здесь выясняется, что у крестного хода есть, как и у демонстраций, своя резолюция.

— Братья и сестры, 25 лет назад мы здесь подняли знамя против жидобольшевистского ига коррупции! — обращается к соратникам атаман Турухин. — Но воз, увы, и ныне там! Против русского народа продолжается поход, начавшийся в 1917 году! Мы должны защищать ту власть, которая не защищает народ?

— Нет! — неуверенно раздалось в строю казаков.

— Вся власть от бога! — прогремело со стороны. Это был только что вышедший из Сергиевой лавры священник. — Шли бы вы отсюда! — уже потише проворчал батюшка, зло выругался, но ушел сам. Впрочем, серьезно смутив атамана.

— Мы должны... Мы должны защищать... защищать тех, кто нас сегодня уничтожает? — неуверенно закончил свой следующий вопрос оратор.

— Да... Нет! — с трудом определились с ответом участники крестного хода. Некоторые из них на всякий случай деликатно вскинули правые руки в знак поддержки.

Атамана сменил другой видный казак, для которого чуть позже, по итогам резолюции, было решено потребовать у администрации города

звание почетного гражданина. Будущий возможный почетный гражданин Сергиева Посада долго рассказывал о борьбе русского народа с иудейской коррупцией, назвав в пример судебное дело, которое было заведено на его сторонников за «попытку изгнать бесов» из здания мэрии одного подмосковного города.

В итоге резолюция была принята единодушным взмахом правой руки к небу и кличем «Любо!» (этой фразой казаки Сергиева Посада отвечали в качестве согласия). Участникам крестного хода было разрешено возложить хоругви к гигантскому портрету царя Николая II и наконец-то разойтись.

Почти все женщины, сопровождавшие ход, успели удалиться при первых словах о «большевистских кознях жидомасонства».

Корреспондент РП подошел поговорить с казаком, возглавлявшим крестный ход с канделябром на длинной деревяшке. Казак был одет в джинсовый костюм, то есть, можно сказать, в штатском. Он пользовался вниманием и долго что-то втолковывал нескольким бабушкам.

— Когда покупаете продукты в магазине, вы перечеркиваете троеперстием штрих-код! Ну как будто бы андреевский флаг рисуете — и все в порядке! — внушал он.

— А я обычно штрих-коды срываю или соскабливаю. Чтобы меня не сканировали.

— Ну не! Сканирование для человека даже не опасно, опасен лазерный луч! Ну а так — андреевским флагом хоп и готово. Меня так в Греции учили!

— Простите, — перебил казака корреспондент РП. — А зачем ваши соратники вскидывали руки в нацистском приветствии? Ну православные же вроде люди.

— Это ж зига! Мы ж православные русские фашисты! А что вы

пугаетесь? Фашио — это означает «пучок» или «сконцентрированная мощь». Что в этом плохого?

— Ясно.

— Ну вот и славно! Любо!

НОВЫЙ ЗАВЕТ

ЕВАНГЕЛИЕ

Родословие Иисуса Христа

Лекция архимандрита Ианнуария Ивлиева

Иисус, начиная Свое служение, был лет тридцати, и был, как думали, Сын Иосифов, Илиев, Матфатов, Левиин, Мелхийев, Ианнаев, Иосифов, Маттафиев, Амосов, Наумов, Есليمов, Наггеев, Маафов, Маттафиев, Семеев, Иосифов, Иудин, Иоаннанов, Рисаев, Зорова-велев, Салафиилев, Нириев, Мелхийев, Аддиев, Косамов, Елмодамов, Иров, Иосиев, Елиезеров, Иоримов, Матфатов, Левиин, Симеонов, Иудин, Иосифов, Ионанов, Елиакимов, Мелеаев, Маинанов, Маттафаев, Нафанов, Давидов, Иессеев, Овидов, Воозов, Салмонов, Наассонов, Аминадавов, Арамов, Есромов, Фаресов, Иудин, Иаковлев, Исааков, Авраамов, Фаррин, Нахоров, Серухов, Рагавов, Фалеков, Еверов, Салин, Каинанов, Арфаксадов, Симов, Ноев, Ламехов, Мафусалов, Енохов, Иаредов, Малелеилов, Каинанов, Еносов, Сифов, Адамов, Божий.

Мк 3,23 - 38

Все мы помним родословную Иисуса Христа, которой открывается Евангелие от Матфея:

«Родословие Иисуса Христа, Сына Давидова, Сына Авраамова. Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова; Иаков родил Иуду и братьев его...» и так далее до завершения родословной словами: «Иаков родил Иосифа, мужа Марии, от Которой родился Иисус, называемый Христос. Итак всех родов от Авраама до Давида четырнадцать родов; и от Давида до переселения в Вавилон четырнадцать родов; и от переселения в Вавилон до Христа четырнадцать родов» (Мф 1,1 - 17).

Мы неизменно обращаем внимание на множество различий в этих списках, как в общем, так и в частностях. Но есть в них и нечто принципиально их объединяющее. Достаточно взглянуть на другие библейские родословия, которые, безусловно, служили образцами евангельских родословий. Например, родословие Ноя, родоначальника послепотопного человечества:

«Вот родословие Адама: когда Бог сотворил человека, по подобию Божью создал его, мужчину и женщину сотворил их, и благословил их, и нарек им имя: человек, в день сотворения их. Адам жил сто тридцать лет и родил [сына] по подобию своему [и] по образу своему, и нарек ему имя: Сиф. Дней Адама по рождении им Сифа было восемьсот [700] лет, и родил он сынов и дочерей. Всех же дней жизни Адамовой было девятьсот тридцать лет; и он умер» и так далее до Ноя: «Ноя было пятьсот лет и родил Ной [трех сынов]: Сим, Хама и Иафета» (Быт 5,1 - 32).

Подобным образом строится и родословие Авраама, родоначальника Израиля:

«Вот родословие Сим: Сим был ста лет и родил Арфаксада, чрез два года после потопа; по рождении Арфаксада Сим жил пятьсот лет и родил сынов и дочерей [и умер]» и так далее до Авраама (Быт 11,10

- 32).

Все эти родословия имели целью ориентировать определенную Богом историю на ту или иную личность, важную в истории спасения: Ноя, Авраама... Родословия иллюстрируют веру в то, что историей руководит Бог, что Он — Вседержитель, что Божественный промысел непрерывно в истории действует, что обетования Божия неизбежно реализуются. В нашем случае — родословие ориентируется на Иисуса как Мессию, как Христа. Если в Евангелии от Матфея первым предком Иисуса упоминается Авраам, то у Луки родословие упирается в первого человека Адама и, наконец, в Бога, возводя появление Иисуса Христа к Божественному творческому акту.

На протяжении всей истории толкований было предпринято неисчислимо множество попыток механически объяснить расхождения в двух генеалогиях — Луки и Матфея. Но все попытки формально их примирить, гармонизировать оказались невозможными. У нас нет возможности разбирать подробности работы толковников с этими родословиями. Мы просто запутаемся в них. Упомянем лишь одно из самых ранних объяснений их различия. Оно сводится к тому, что родословная у Матфея — царская родословная Иисуса Христа по линии Его приемного отца Иосифа. А у Луки родословная Иисуса Христа идет по линии Его Матери Марии. Недаром ведь в самом начале подчеркнуто, что Иисус не был физическим сыном Иосифа, но «был, как думали, Сын Иосифов». Ангел во время Благовещения сказал Марии: «и даст Ему Господь Бог престол Давида отца Его» (Лк 1,32). И вот мы видим, что как у Матфея, так и у Луки царь Давид — предок Иисуса Христа. Но начиная от Давида у Луки родословная идет не через Соломона, как это у Матфея, а через Нафана, другого сына Давидова. Так что как Иосиф, так и Мария — происходили из царственного дома Давида, но

по разным линиям. Такое объяснение кажется удовлетворительным — мол, Матфей дает родословие по Иосифу, а Лука — по Деве Марии. Но увы, даже элементарный анализ текста показывает несостоятельность такого рассудительного объяснения.

Все дело в другом. И все гораздо интереснее. И там, и там мы имеем разные предания, которые опирались не на историческую непогрешимость списка предков Иисуса, а на богословскую значимость воплощения Сына Божия в Человеке Иисусе Христе. И этот богословский смысл великого события символически по-разному выражен в обеих родословных. В них мы имеем дело с богословием, а не с сухой фактологией.

Если говорить предельно кратко, Евангелист Матфей следует одной символической схеме истории, а Лука — другой. Оба варианта весьма искусны. Оба родословия называют важнейших предков Иисуса: Авраама и Давида. Список между Авраамом и Давидом фактически совпадает. Затем, после Давида, родословия расходятся, и гармонизировать их, как мы уже сказали, невозможно.

Матфей преследует определенную богословскую цель. Ему надо было ощутимо-наглядно выразить некую идею, а именно то, что Иисус есть обетованный народу Божию Мессия, Христос, из царского рода Давида. Давид выступает как мессианский прообраз. Эту идею легко распознать, присмотревшись к родословию в его, Матфея, Евангелии. Он формирует список предков Иисуса, деля его на части. От Авраама до Давида 14 родов, от Давида до Вавилонского плена 14 родов и от Вавилонского плена до Христа 14 родов (Мф 1,17). Число 14 — гематрия имени Давид (далет — 4, вав — 6, далет — 4; $4 + 6 + 4 = 14$). Так что текст Матфея как бы трижды, используя символический счет, говорит: Давид — Давид — Давид. Иисус Христос — Сын Давидов!

Мало того. Ведь 14 — удвоенное священное число 7. В иудейской апокалиптике того времени было популярно воззрение, изложенное в апокрифической книге Еноха, что от сотворения мира до Судного Дня Господня должно пройти 10 так называемых космических недель. На исходе 9-ой космической недели должен явиться Мессия, Сын Давидов. Космическая неделя длится 7 космических дней. Космический день — продолжительность жизни одного поколения. От Авраама до Иисуса Христа, как написано у Матфея, прошло $14 \times 3 = 42$ поколения, 42 космических дня. Но всякому знатоку Писания было известно, что от Адама до Авраама прошло 21 поколение, то есть 21 космический день. Итого получается, что от Адама до Иисуса Христа $42 + 21 = 63$ космических дня, то есть $63 : 7 = 9$ космических недель. На исходе 9-ой космической недели и явился Иисус, Мессия, Сын Давидов.

Иначе, но тоже символично и богословски содержательно, выстроена родословная у Евангелиста Луки. У него от Адама до Иисуса Христа проходит не 63 поколения, как у Матфея, но 77 поколений. Но, следуя другой популярной в те времена апокалиптической схеме истории, а именно 4-й книге Ездры (4 Езд 14,11), Мессия должен прийти на исходе 11-й космической недели и возглавить 12-ю неделю, которая должна быть последним мировым веком перед Концом, перед Днем Господним. Это мы и видим в Евангелии от Луки: $77 : 7 = 11$. Тут и появляется Иисус Христос, открывая последний век мировой истории!

Все эти числа могут запутать и сбить с толку. Но... мы должны четко уяснить себе, что дело не в точности чисел. Когда речь идет об апокалиптических шифрах и символах, их нельзя понимать буквально. На то они и символы. Здесь, как и в случае Крещения Иисуса Христа, мы имеем дело не с буквальным историческим описанием, а со словесной иконой истории, с богословской интерпретацией истории. Евангелист

Лука привел родословную Иисуса, чтобы сделать наглядной важную для него и для всех нас богословскую истину. Уже перед рассказом о начале публичной деятельности Иисуса всем становится ясным: Этот Иисус, о Котором будет рассказано в Евангелии, — Мессия, Сын Давидов, Который Своим рождением ознаменовал начало конца истории! И еще: Он — Сын Адама. Но ведь и все мы тоже сыны и дочери Адама. То есть, Иисус соприроден всем нам. При всех особенностях Его зачатия и рождения Он связан со всем человечеством от самой истории творения. Если Евангелист Матфей, перечисляя предков Иисуса, останавливается на Аврааме, родоначальнике Израиля, так как Матфей пишет преимущественно для христиан иудейского происхождения, — то Лука ведет родословную до Адама. Для Матфея Иисус был достоянием иудеев; для Луки Он принадлежит всему человечеству. Поэтому Его происхождение прослеживается не до основателя иудейской расы, а до отца всего человечества. Ведь Лука писал не для иудеохристиан, а для языкохристиан, которые не сознавали себя детьми Авраама. Для них было важно, что Иисус не только Мессия иудеев, но и Спаситель всего мира. В Нем благословляются все народы земли. Основная тенденция Евангелия от Луки, о чем мы уже упоминали, — универсализм, всемирность, всеобщность. Поэтому он устранил национальные и расовые границы и по отношению ко всем предкам Иисуса.

Еще следует отметить, что родословие Иисуса у Луки идет не просто до Адама, но до Бога. Этим подчеркивается не только общечеловечность Сына Божия Иисуса, но и Божественный промысел, действующий в родословной, как и во всей истории.

Весь отрывок начинается со слов: «Иисус, начиная Свое служение, был лет тридцати». Только что Он был помазан Святым Духом в Крещении, и теперь приблизительно в 30 лет, начал Свое мессианское

служение. Это упомянуто не случайно. Ведь уже о Давиде мы читаем: «И помазали Давида в царя над [все] Израилем. Тридцать лет было Давиду, когда он воцарился» (2 Цар 5,3 - 4). Вообще, в Писании 30-летний возраст — время полного возмужания и начала общественного служения. Так и об Иосифе, сыне Иакова, сказано: «Иосифу было тридцать лет от рождения, когда он предстал пред лице фараона, царя Египетского» (Быт 41,46). И пророк Иезекииль о себе пишет: «И было в тридцатый год, ... когда ... отверзлись небеса, и я видел видения Божии» (Иез 1,1). Иисус, надо полагать, провел тридцать лет в Назарете. Обычно говорят, что его приемный отец Иосиф умер довольно молодым, и Иисусу пришлось принять на себя заботу о Своей Матери и младших братьях и сестрах. И, пока они не выросли, Он не чувствовал Себя вправе покинуть Назарет. Как бы то ни было, Ему надо было сначала выполнять различные задачи более скромного характера в своей семье, прежде чем Он мог принять на Себя универсальную задачу спасения мира. Справляясь с малыми задачами в семье, Иисус готовил Себя к выполнению выпавшей на Его долю великой задачи. В рассказанной Им притче о талантах господин говорил верным слугам: «Хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многим тебя поставлю» (Мф 25,21.23). Чтобы быть солидарными с людьми и помочь им, надо знать, как они живут. Иисус прожил тридцать лет в Назарете, Он знал жизнь труженика, который зарабатывает на хлеб насущный. Отсюда Его снисходительность и забота о людских нуждах, которая так ярко проявится в Его общественном служении.

МНЕНИЯ

ИСТОРИЯ

История и смысл канонизации Царской семьи

Глава из книги священника Георгия Митрофанова «Русская Православная Церковь на историческом перепутье XX века»

Канонизация Царской совершилась торжественно и величественно на Юбилейном Архиерейском соборе 2000 г. Однако многие из тех, кто долго и эмоционально обсуждал эту тему, сразу потеряли к ней интерес. Люди, которые возбуждали нашу церковную жизнь, будучи сторонниками или, наоборот, противниками канонизации, вдруг замолчали. Любой священник скажет вам, что ему крайне редко доводится служить молебны Царственным страстотерпцам. Как же отозвалась эта канонизация в жизни нашей Церкви?

Прославленный Государь-император и члены его семьи отошли на второй план нашей церковной жизни. Должен сказать, что для меня это не стало такой уж большой неожиданностью. Уже в процессе подготовки канонизации Царской семьи я почувствовал, что многие из тех, кто активно выступал в средствах массовой информации, и особенно в так называемых «православных» газетах, по сути своей далеки от

понимания той глубокой драмы, которая сопровождала всю жизнь и в особенности последний год последнего русского государя. Я это ощутил на одном из собраний неистовых сторонников канонизации Царской семьи, твердивших на всех углах, что канонизации, конечно же, не будет. Я вдруг глубоко почувствовал, что если бы здесь сейчас оказался Император, он бы не узнал в них своих сторонников, а скорее бы увидел своих оппонентов. Эти люди поражали меня своей неистребимой «советскостью». В подходе к последнему государю, которого они, в отличие от обычных советских людей, не ругали, а, наоборот, неистово хвалили. В их нарочитом стремлении добиться канонизации и тем самым осуществить некое церковно-политическое чудо преобразования России было что-то общее с чаянием увидеть в нашей стране построенный коммунизм. Это были утописты. И утопия их развеялась именно с канонизацией Царской семьи.

Здесь важно напомнить, что члены Царской семьи были причислены к лику святых в чине страстотерпцев. Материалы по канонизации Царской семьи, были опубликованы в довольно большой брошюре, а потом были переизданы отдельной книгой. Там было не только житие, но и исторические справки, которые мы в комиссии готовили по разным вопросам, связанным с жизнью Царской семьи. Главной темой канонизации была именно тема страстотерпчества. Мы не пытались создавать образ идеального государственного и политического деятеля. Достаточно лаконично и честно говорилось о многих противоречиях, сопровождавших царствование последнего государя; говорилось о тех проблемах, которые он сначала не осознавал, родившись и сформировавшись в, казалось бы, незыблемой православной империи своего отца императора Александра, а потом, после десяти лет царствования в разразившейся революционной смуте 1905 года вдруг стал осознавать

и стал пытаться решать. Он шел по пути необходимых для России реформ, опаздывая, и даже такие выдающиеся государственные деятели, как Сергей Юльевич Витте и Петр Аркадьевич Столыпин, при всем своем государственном уме часто не могли поспевать за развивавшимися событиями.

И тем не менее, в эту сложную, переходную, по-своему кризисную эпоху развития России, император попытался в меру своих человеческих качеств осуществлять миссию православного государя. Конечно, государственная деятельность императора Николая II не была безупречной и безошибочной и не давала оснований прославлять его как благоверного царя, то есть как святого государя, внесшего огромный вклад в развитие своего православного государства и православного народа. Но во всяком случае его деятельность не давала оснований и возводить те многочисленные хулы, которым он подвергался как при жизни, так и после смерти. Не государственная деятельность императора была поставлена в центр нашего внимания, а именно последний год жизни Царской семьи, проведенный в заточении. Ибо случилось так, что отрехшись от власти из желания не допустить междоусобную кровопролитную войну в условиях, когда велась страшная война с внешним врагом, император Николай II словно освободился от того бремени, которое мешало его духовной жизни. И хотя уже через неделю после отречения он был арестован, и этому аресту суждено было продлиться вплоть до конца земной жизни всей его семьи, именно в это время и сам император, и императрица, их дети, поистине преобразились. Получилось так, что отнюдь не явившийся самым счастливым в житейском отношении период их заточения стал периодом их поразительного духовного расцвета.

Важно отметить, что эти в чем-то очень ординарные, хотя и очень

милые люди из безвозвратно утерянной нами России, отнюдь не безосшибочно поступавшие большую часть своей жизни, вызывавшие к себе и уважение, иногда даже любовь, а иногда и критику, и отвращение, даже у самых близких людей; эти обычные люди преобразились именно тогда, когда оказались лишены внешней свободы. Когда-то написавшие во время переписи в своей анкете о том, что они являются Хозяином и Хозяйкой земли Русской Государь и Государыня, потеряв эту землю, стали подлинными хозяевами своей духовной жизни.

Не буду подробно рассказывать о том, как проходил этот последний год их жизни в заточении. Много об этом написано, в том числе и в материалах Синодальной комиссии по канонизации святых. Известно, что первый период пребывания их в Царском Селе до начала августа 1917 года был довольно спокойным. Да, главное, оказавшееся роковым, решение уже было принято: Император отрекся от престола. Но он вернулся к своей семье, к той семье, к которой он стремился, оставив Ставку в конце февраля 1917 года.

Нельзя не сказать — это была его серьезная государственная, политическая ошибка. Он покинул Ставку, в которой был недостижим для своих врагов, в которой были сконцентрированы все нити управления страной, во имя того, чтобы оказаться рядом со своей семьей. И тем самым он потерял и свою большую Семью — русский народ, и, как окажется впоследствии, даже свою малую семью, свою жену, своих детей, к которым так стремилось его сердце. Итак, он устремился к своей семье, оказался рядом с ней и, мучительно вместе с супругой переживая свое отречение. Напомню, что Императрица была категорической противницей его отречения, он тем не менее обрел покой.

Многие, включая членов императорской фамилии, были убеждены в том, что Государь некомпетентен в решении сложных проблем,

ставших перед страной в годы войны. Некоторые были убеждены, что Императрица, если и не является «немецкой шпионкой», то остается агентом влияния Германии в России. Все эти пропагандистские химеры, усиленно раздувавшиеся оппозицией, исчезли довольно быстро. И нужно отдать должное, как это не парадоксально прозвучит, тем, кто взял тогда под арест Царскую семью и начал проводить следствие по делу Царской семьи, когда Временное правительство образовало Комиссию по расследованию. Наверное, арест Царской семьи тогда еще в Царском Селе 7 марта, когда Императрица была арестована еще до прибытия Государя, спас ее и ее детей от бесчинной расправы революционной черни.

Но когда началось следствие, то неожиданно обнаружилось то, о чем нетрудно было бы догадаться, если бы не обольщение политическими страстями той эпохи. Конечно же, ни Император, ни Императрица не совершали ничего такого, что могло бы квалифицироваться как государственное преступление. Да, могла быть некомпетентность, могла быть человеческая пристрастность, но никаких преступлений они не совершали. Более того, они не совершали, ничего такого, что могло бы уронить их человеческое достоинство. Это поняли даже те, кто пристрастно начинал следствие. Ибо даже их оппоненты — в составе Временного правительства, в составе ли следственной комиссии — все-таки были людьми той, старой, России, в которой существовал закон, в которой существовали такие понятия, как честь и порядочность. Временному правительству не удалось отправить царскую семью за границу. Англия не приняла тех, кто был не только их родственниками, но еще и союзниками в страшной Первой мировой войне. А для Временного правительства уже летом 1917 года было очевидно, что высокопоставленные узники не являются преступниками, а являются

честными русскими людьми, честными гражданами России.

Период заточения в Царском Селе, в их родном Александровском дворце, где были прожиты самые счастливые годы их жизни, мог бы остаться в истории России досадным курьезом, который мог лишь подорвать репутацию бескровной Февральской революции и Временного правительства — если бы Царская Семья оказалась освобожденной.

Но маховик революционного безумия набирал обороты. И все менее и менее способный повлиять на ход событий министр-председатель Александр Федорович Керенский, вполне профессиональный юрист, который прекрасно понимал в это время всю лживость возводимых на Государя и Государыню обвинений, не нашел другого выхода, кроме как отправить царскую семью в казавшуюся спокойной и умиротворенной русскую глубинку. Действительно, о каких революционных волнениях можно говорить в Тобольске? Керенский не взял на себя ответственность сказать России правду о Царской семье, а предпочел отправить ее куда-то подальше, в ожидании, что по степенно разбуженные в том числе и при его активном участии революционные страсти со временем успокоятся.

Царская семья оказалась в Тобольске в августе 1917 года, и это был, уже не такой спокойный и мирный, как период заточения в Александровском дворце, но все-таки еще достаточно стабильный период их заточения. Да, они со слезами покидали родное Царское Село, но сначала и в Тобольске их еще не покидало ощущение, что им ничего не угрожает. Они даже чувствовали, что неприязнь, которая подчас исходила от охранявших их людей уже ушла. Иногда даже те люди, которые несли обязанности по охране Царской семьи, как, например, полковник Кобылинский, переехавший вместе с ними в Тобольск, становились для них близкими людьми.

Положение стало меняться в сентябре 1917 года, когда в Тобольске появились направленный Временным правительством, комиссар и его помощник, которые должны были определять режим заключения. Комиссар Панкратов, революционер, немало лет проведший в заточении, был, по характеристике Жильяра, «добрым и мягким сектантом-фанатиком», который, например, был искренне поражен высоким духовным настроем религиозной жизни Царской семьи. Но его помощник Никольский был уже революционером иного типа, того самого типа, которому и суждено будет победить.

Осень 1917 года стала как для России, так и для Императорской семьи началом их голгофского, страстотерпческого пути. В конце 1917 года мысль о том, что не только страна, но и их собственная семья находятся в страшной опасности, становится доминирующей темой в их письмах и разговорах. К счастью, до нас дошли дневниковые записи и письма Императора и, в особенности, Императрицы, которые позволяют заглянуть в их внутренний мир. На что хотелось бы обратить внимание: по мере того, как условия заточения Царской семьи ужесточаются и ощущение надвигающейся опасности становится все более сильным, интенсифицируется духовная жизнь Царской семьи. Несколько цитат из писем Императрицы очень выразительно характеризуют ее духовный настрой. Подчеркну, у Императрицы был очень сложный характер. Умная и образованная, до предела эмоциональная, склонная доходить до экзальтации в своей духовной жизни, Императрица в заключении приобретает черты, которые, казалось бы, не очень вяжутся с ее привычным обликом. Она всегда была человеком твердой воли, но здесь ее воля приобретает особый характер, обращенный к поразительному духовному трезвению и глубокому, чисто религиозному, переживанию происходящего. Вот фрагмент ее письма от 27 ноября 1917 года: «В та-

кое беспокойное, неестественное время все трудно перенести. Боишься за дорогих, но Господь Бог не оставит их и услышит Вашу молитву. Вашу молитву часто читаю я и Вас вспоминаю» — пишет она одной из своих близких подруг в ту пору. «В молитве утешение. Жалею я тех, которые находят немодным, ненужным молиться. Не понимаю даже, чем они живут. Духовный мир далек от них. Все суета и суета. Оттого все так плохо пошло. Все забыли и Родину, и правду. Живут ложью, только о собственных выгодах и думают.

Наверное, тяжело видеть гибель народа дорогой страны, но Христос не оставит своих, не даст погибнуть всем невинным. Соблазн и разруха всего, тьма покрывает все. Стыд и срам, до чего в это короткое время дошли. Разве совесть их все еще спит? А когда последняя их минута придет, когда перед вечным сном будут стоять? Хочется им кричать: проснитесь, душа погибает! Земное короткое существование проходит, а что там их ждет? Милосердный Господь, сжался над несчастной Родиной, не дай ей погибнуть под гнетом «свободы» (слово «свобода» здесь заключается в кавычки). Простите, что так пишу, но вырвался крик души, слишком сильно я свою Родину люблю. Нелегко видеть, как с удовольствием все разрушают, мучают. Позор! Довольно этого. Христос Спаситель наш умер и страдал за грехи наши и спасет страну нашу. Крепко этому верю». В этих строчках поразительным образом сливается боль за Россию, глубокое разочарование в окружающих людях и вместе с тем глубокая вера.

А вот фрагмент из письма 9 декабря 1917 года, где Императрица переживает разлуку с Государем и одной из своих дочерей: «Господь милостив и их охраняет, и слышит молитвы, и видит слезы матери. Боже мой, эти переговоры о мире — позор величайший! По моему глубокому убеждению Господь этого не допустит; самое худшее прошло, хотя

много еще тяжелого впереди. Душа как-то чувствует свет. Невозможно падать духом; чувствуешь, что что-то свыше поддерживает все время и дает надежду на лучшие дни, светлые. Но терпеть надо еще и молиться. Милые, читайте теперь почаще акафист «Нечаянной Радости». Я его много читаю, и нужна эта молитва всем крепко верующим. Господь испытывает, а потом облегчит, залечит все ужасные раны. Немного еще потерпеть, будут лучшие дни, хотя много еще тяжелого впереди. Больно, столько кровопролития, больно ужасно! Но правда должна победить». В этих словах опять сливаются боль за разрушающуюся Россию, глубокий патриотизм, хочется сказать, по-немецки последовательный, но по-русски вдохновенный, и опять-таки ее глубокая вера.

В еще большей степени потрясают письма и записи детей. Они были подростками, совсем еще молодыми людьми, которые не могли вместить в себя взрослую трагедию, надвигавшуюся на них. О том в каком состоянии живут члены Царской семьи в 1918 году свидетельствуют известные стихи поэта Бахтеева, записанные рукой Великой княжны Ольги Николаевны:

Пошли нам, Господи, терпенье
В годину буйных, мрачных дней
Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей.
Дай крепость нам, О Боже правый,
Злодейства ближнего прощать,
И крест тяжелый и кровавый
С Твоею кротостью встречать.
И в дни мятежного волненья,
Когда ограбят нас враги,
Испить позор и оскорбленье,

Христос Спаситель, помоги!
 Владыка мира, Бог вселенной,
 Благослови молитвой нас
 И дай покой душе смиренной
 В невыносимый страшный час
 И у преддверия могилы
 Вдохни в уста Твоих рабов
 Нечеловеческие силы
 Молиться кротко за врагов.

Кажется, в этих стихах — прозрение Великой княжны обстоятельств гибели их семьи. Прозрение тех страшных глумлений, которые будут твориться уже над телами убиенных страстотерпцев. Но происходит это при жизни их, с пониманием того, что их действительно ожидает что-то страшное, и с готовностью это нечто страшное по-христиански осмыслить и принять, пережить. Конечно, это духовное преображение.

Мне бы хотелось привести еще одно описание, которое принадлежит протоиерею Иоанну Сторожеву. Этот священник совершал последнее богослужение в Екатеринбурге в Ипатьевском доме, куда в начале 1918 года попала Царская семья. Этот священник не принадлежал к придворному духовенству, он был клириком одного из близлежащих храмов, который в силу обстоятельств оказался последним священнослужителем, засвидетельствовавшим духовную жизнь Царской семьи накануне гибели. Неслучайно его воспоминаниям довольно большое значение придавал ось Синодальной комиссией при подготовке материалов к канонизации. Следует привести несколько очень важных выдержек, потому что это взгляд одного из многих благочестивых, достойных русских православных священников, который имел самое отдаленное представление о том, что такое духовная жизнь Царской

семьи. Именно он оказался последним пастырем, напутствовавшим Царскую семью.

«Николай Александрович был одет в гимнастерку защитного цвета, в таких же брюках и высоких сапогах. На груди у него был офицерский Георгиевский крест. Погон не было. Все четыре дочери были, помнится, в темных юбках и простеньких беленьких кофточках. Волосы у всех были острижены сзади довольно коротко. Вид они имели бодрый, я бы даже сказал, почти веселый. Николай Александрович произвел на меня впечатление своей твердой походкой, своим спокойствием, особенно своей манерой пристально и твердо смотреть в глаза. Никакой утомленности или следов душевного угнетения я в нем не заметил. Показалось мне, что в его бороде едва заметны седые волосы. Борода, когда я его видел в первый раз, была длиннее и шире, чем 14 июля. Тогда мне показалось, что Николай Александрович постриг кругом бороду. Что касается Александры Феодоровны, то у нее из всех был вид какой-то утомленный, скорее даже болезненный. Я забыл отметить, что всегда особенно останавливало мое внимание — это та исключительная, я прямо скажу, почтительность к носимому мною священному сану, с которой отдавали каждый раз поклон все члены семьи Романовых в ответ на мои молчаливые приветствия при входе в зал и затем по окончании богослужения».

Я поясню, что это описание уже не первой встречи этого священнослужителя с царской семьей. Он отмечает 14 июля — это одна из последних встреч, встреча, которая была возможна потому, что отца Иоанна допускали к царской семье с разрешения коменданта Ипатьевского дома Юровского для совершения богослужений. И здесь перед нами очень важное, пронзительное описание последней службы, которую отец Иоанн провел в Царской семье: «Впереди за аркой уже

находилась Александра Феодоровна с двумя дочерьми и Алексеем Николаевичем, который сидел в кресле-каталке, одетый в куртку, как мне показалось, с матросским воротником. Он был бледен, но уже не так, как при первом моем богослужении. Вообще выглядел бодрее. Более бодрый вид имела и Александра Феодоровна, одетая в то же платье, как и 20 мая старого стиля. Что касается Николая Александровича, то на нем был такой же костюм, как и в первый раз. Только я не могу себе ясно представить, был ли на этот раз на груди его Георгиевский крест. Татьяна Николавна, Ольга Николаевна, Анастасия Николавна и Мария Николавна были одеты в черные юбки и белые кофточки. Волосы у них на голове, помнится, у всех одинаково подросли и теперь доходили сзади до уровня плеч. Мне показалось, что как Николай Александрович, так и все его дочери на этот раз, я не скажу, в угнетении духа, но все же производил и впечатление как бы утомленных. Члены семьи Романовых и на этот раз разместились во время богослужения так же, как и 20 мая (старого стиля), только теперь кресло Александры Феодоровны стояло рядом с креслом Алексея Николаевича, дальше от арки, несколько позади ее. Позади Алексея Николаевича стояли Татьяна Николаевна, она потом подкатила его кресло, когда после службы они прикладывались ко кресту; Ольга Николаевна и, кажется, я не запомнил, которая именно, Мария Николаевна. Анастасия Николаевна стояла около Николая Александровича, занявшего обычное место в правой арке от стены. Стол с иконами, обычно расположенными, стоял на своем месте в комнате за аркой. Впереди стола, ближе к переднему углу, поставлен был большой цветок, и мне казалось, что среди ветвей его помещена икона, именуемая «Нерукотворный Спас» обычного письма без ризы. По-прежнему на столе находились те же образки-складни, иконы Знамения Пресвятой Богородицы, «Достойно есть» и справа,

больших в сравнении с другими размеров, писанная масляными красками без риз икона святителя Иоанна Тобольского. Став на свое место, мы с диаконом начали последование обедницы. По чину обедницы положено в определенном месте прочесть молитвословие «Со святыми упокой». Почему-то на этот день диакон вместо прочтения запел эту молитву. Стал петь и я, несколько смущенный таким отступлением от устава. Но едва мы запели, как я услышал, что стоявшие позади нас члены семьи Романовых опустили на колени. И здесь вдруг ясно ощутил я то высокое духовное утешение, которое дает разделенная молитва. Еще в большей степени дано было пережить это, когда в конце богослужения я прочел молитву к Богоматери, где в высоко поэтичных, трогательных словах выражается мольба страждущего человека поддержать его среди скорбей и дать ему силы достойно нести ниспосланный от Бога крест. После богослужения все приложились ко Святому кресту, причем Николаю Александровичу и Александре Феодоровне отец диакон вручил по просфоре — согласие Юровского было заблаговременно дано. Когда я выходил и шел очень близко от Великих княжон, мне послышались едва уловимые слова: «Благодарю». Не думаю, чтобы мне это только показалось. Войдя в комендантскую, незаметно для себя, глубоко вздохнул. И вдруг слышу насмешливый вопрос «Что это Вы так тяжело вздыхаете?» — говорил Юровский. Я не мог и не хотел открывать ему мною переживаемого и спокойно ответил: «Досаду, что так мало послужили, а весь взмок от слабости. Выйду теперь и опять простужусь». Внимательно посмотрев на меня, Юровский сказал: «Тогда надо окно закрыть, чтобы не продуло». Я поблагодарил, сказав, что все равно сейчас пойду на улицу. «Можете переждать», — заметил Юровский. И затем совершенно другим тоном промолвил: «Ну вот. помолились — И от сердца отлегло». Сказаны был

и эти слова с такой, как мне показалось, серьезностью, что я как-то растерялся от неожиданности и ответил: «Знаете, кто верит в Бога, тот действительно получает в молитве укрепление сил». Юровский, продолжая быть серьезным, сказал мне: «Я никогда не отрицал влияние религии и говорю это совершенно откровенно». Тогда и я, поддавшись той искренности, которая послышалась мне в его словах, сказал: «Я Вам тоже откровенно отвечу. Я очень рад, что Вы здесь разрешаете молиться». Юровский на это довольно резко спросил: «А где же мы это запрещаем?» «Совершенно верно», — уклонился я от дальнейшей откровенности. — «Вы не запрещаете молиться. Но ведь здесь, в доме особого назначения, могут быть особые требования». «Нет, почему же?» — «Ну, вот это я и приветствую» — закончил я. На прощание Юровский подал мне руку, и мы расстались. Молча дошли мы с отцом диаконом до здания художественной школы, и здесь вдруг отец диакон сказал мне: «Знаете, отец протоиерей, у них там чего-то случилось». Так как в этих словах отца диакона было некоторое подтверждение вынесенного и мною впечатления, то я даже остановился и спросил, по чему он так думает. «Да так, они все какие-то другие точно. И не поют». И надо сказать, что действительно, за богослужением 14 июля впервые (а отец диакон присутствовал при всех пяти богослужениях, совершенных в доме Ипатьева) никто из семьи Романовых не пел вместе с нами. Через два дня, 17 июля, екатеринбуржцам было объявлено о том, что бывший Государь Император Николай Александрович расстрелян».

Этот священнослужитель почувствовал самое главное: отрешенность семьи последнего Государя от этого мира, обращенность их к миру иному, противопоставленность их всем тем, кто оставался жить на земле, на которой им оставалось жить уже совсем-совсем недолго. Но что здесь особенно выразительно? Это то, что фиксирует отец

Иоанн в поведении главного палача Царской семьи, Юровского. Даже Юровский в этот момент переживает что-то, видимо, для него самого очень сложное и необычное. Этот довольно ординарный представитель революционной черни — ну, разве что несколько более развитой, человек, взявший на себя страшную миссию уничтожения Царской семьи, даже он ощущает не просто величие надвигающейся смерти, не просто ужас того, что ему предстоит сделать. Он ощущает величие семьи последнего Государя. Государь и даже члены его семьи остаются для него врагами. Сомневаюсь, что он когда-либо испытывал угрызения совести от содеянного, но в тот момент даже он оказывается тем камнем, который возопил. Даже в его черной душе отражается поразительный свет, исходящий от Царской семьи.

Члены семьи последнего российского Государя не только страсто-терпцы, то есть принимающие с христианским смирением безвинную смерть; они святые, которые свидетельствуют истину Христову даже своим палачам. Поэтому меня поражало то, насколько часто тема канонизации Царской семьи становилась стимулом для пробуждения оголтелых, человеконенавистнических страстей. Отсюда химерические рассказы о ритуальных убийствах, об отрезанных головах. Но самого главного, что было характерно для этой смерти, такого рода ревнители не ощущали. Они не ощущали того духовного величия Царской семьи, приобщение к которому пробуждает прежде всего два чувства: чувство благоговения по отношению к этой, оказавшейся накануне смерти подлинно христианской, семье и чувство страшной вины всех нас, русских, православных христиан, в стране которых стало возможно подобное преступление. Да, мы не были современниками этих событий, но мы дети и внуки тех, кто жил тогда. И независимо оттого, боролся ли он с большевиками или служил большевикам, или пытался, как, к

сожалению, большая часть народа переждать обрушившуюся на страну бурю — мы потомки всех тех, кто жил в стране, где стало возможно уничтожение этой и многих других христианских семей. Немало христианских семей при немало, может быть, более мучительную смерть не менее достойно, чем Царская семья. Но мы мало знаем о них. А вот о Царской семье мы знаем достаточно много, чтобы не только отдать дань благоговейного почтения им, но и для того, чтобы задуматься о том, сколь глубокий грех поразил нашу страну, сколь глубокие искушения приняли в свои сердца предки наши.

С пониманием этих печальных истин, важных для духовной жизни каждого современного христианина, мы должны принять канонизацию Царской семьи. Именно с этими чувствами должны мы прийти в храм, ибо много в Православной Церкви святых, но далеко не о всех мы знаем так много, как о семье Царственных страстотерпцев. И отнюдь не ко всем святым наша страна имеет такое непосредственное отношение, какое она имеет к семье Царственных страстотерпцев.

С этими мыслями и чувствами мы шли к канонизации Царской семьи. Этих мыслей и чувств, как мне кажется, не хватает многим из нас. Царственные страстотерпцы продолжают оставаться за гранью понимания для одних, за пределами духовной жизни для других православных христиан, озабоченных суетными делами нашей современной жизни и не испытывающих потребности понять свою нынешнюю жизнь, конечно же, исполненную больших бед, испытаний, переживаний, в контексте тех трагических событий, которые стали частью нашей истории в недавнем прошлом.

Дай Бог всем нам задуматься над духовным величием Царской семьи и в то же время задуматься над мерой падения нашего народа, допустившего гибель не только этой, но многих других христианских

семей в столь недавней истории нашего Отечества. Надеюсь, что этот нелегкий, но очень важный разговор поможет нам всем должным образом отозваться на поминовение в Церкви Царственных страстотерпцев, которые символизируют собой страшный голгофский путь, по которому многие десятилетия шла Россия в XX веке.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Издание «Нового православного клуба».

Дизайн: Ольга Семенова.

Мы ищем авторов, соратников, хотели бы услышать ваше мнение об увиденном. Обращайтесь к Михаилу Грозовскому!

эл. почта: mikhail.grozovski@gmail.com

тел. +7-926 011-83-39

Читать газету можно через приложения «ЛитРес», Bookmate, а также в Google Play Книги.